

safari

Борис Херсонский

с а ф а р и

**Одесский
дневник
2015—2016**

ВЗРЫВНАЯ ВОЛНА

CF FOLIO

Сафари

Борис Херсонский
**Одесский дневник 2015–
2016. Взрывная волна**

«Фолио»

2017

УДК 821.161.1(477)
ББК 84(4Укр=Рос)

Херсонский Б. Г.

Одесский дневник 2015–2016. Взрывная волна /
Б. Г. Херсонский — «Фолио», 2017 — (Сафари)

ISBN 978-966-03-5477-7

Книга поэта, переводчика и эссеиста Бориса Херсонского – поэтический дневник. В нее вошли стихотворения последних двух лет – в той последовательности, в которой они писались. Их темы во многом традиционны для творчества поэта – философская и «историческая» лирика, религиозные сюжеты, сюрреалистические картины советского прошлого. Но лейтмотивом звучит военная тема, тревоги, надежды и разочарования этих лет. При этом стихи не носят прямого, лобового характера – нынешние события рассматриваются сквозь призму многовекового опыта нашей страны и ее северного соседа, оказавшегося сильным и опасным врагом. Автор переосмысливает историю России. Но его критика – не насмешка чужака, скорее она проникнута теми же чувствами, которые мы находим в стихах послереволюционной эмиграции. За одним исключением – возврата в Россию поэт для себя не видит: его творчество навсегда связано с Украиной.

УДК 821.161.1(477)

ББК 84(4Укр=Рос)

ISBN 978-966-03-5477-7

© Херсонский Б. Г., 2017

© Фолио, 2017

Содержание

Январь 2015-го	8
«То тут то там небольшие взрывы, под праздничный гром петард...»	8
«Смех сквозь невидимые миру слезы...»	9
«От скромности не умирают. Правитель отправил трон...»	10
«По окончании войн опускаются руки скажи...»	11
«по городу носят взрывчатку в пластиковых пакетах...»	12
«Надеешься на одно а думаешь о другом...»	13
«Склонная к полноте и рассуждениям дама...»	14
«Большая страна не только видится, но и любитися на расстоянии...»	15
«Да, конечно, выросли, подтянулись и поумнели...»	16
«Страна есть земля территория странная помесь...»	17
«Я воробей которого провели на мякине...»	18
«Ни кола ни двора все берем на ура...»	19
«Мы говорим «ничто не забыто», хоть все из памяти смыло...»	21
«А не страшно ли нам под Иродом, не под Богом?...»	22
Февраль 2015-го	23
Левиафан	23
Шаббат шалом!	24
«Мы живем вчерашними слухами надеждами опасениями...»	25
«То отсутствие носа то опустела касса...»	26
«Все для фронта которого в сущности нет...»	27
«Пес возвращается на свою блевотину поговорка стара...»	28
«Маленький посетитель воскресной школы...»	29
«Лег под иконы на скамью – не встанешь со скамьи...»	30
«Не люблю напыщенных сук голубых кровей...»	31
«Силиконовое лицо лучше аналогичной груди...»	32
«Взрывы норма жизни с ними сживаясь ты...»	33
«Потерялась собака сука а жизнь какая...»	34
«Слишком долго молчали орудия и танки стояли в ангарах...»	35
«Снимались на фоне Юга...»	36
«Искал в кармане деньги, нашел там собственный кукиш...»	37
«Что знаю я о Верхотурском святом Симеоне...»	38
«Современным сражениям тесно на улицах городов...»	39
Смерть Ильи Ильича	40
«Линия фронта не одна – их две...»	41
Март 2015-го	42
«Снаружи покрылись шерстью и изнутри озверели...»	42
Саше Ройтбурду	43
«Что хотят – то и делают. Утренняя электричка...»	44
Памяти о. Михаила Шполянского	45
«Не все золото что орда...»	46
«Куплю обои с орнаментом из крупных ушных...»	47
«В театре военных действий, сидя в партере...»	48
«Тредиаковский любил Россию всем украинским сердцем...»	49

«В жизни всегда есть место подвигу – тема пионерского сбора...»	50
«Разбаловали нас, надо бы с нами построже...»	51
«Нас чуть-чуть не посадили. Мы едва не сбежали...»	52
«Например отменная готика снаружи все как всегда...»	53
«Из разрушенной церкви Св. Йогана в церковь Св. Фомы...»	54
«Не жалец в этой стране. Слишком хорош для нее...»	55
«Как между страниц превращают цветы в гербарий...»	56
Завтра	57
«Как мы ждали тебя, дорогая война, в нашей дружной семье...»	58
Ефиму Ярошевскому	59
«Кого-то тащат в машину душат выбрасывают в кусты...»	60
«Кто из нас не споткнулся на пороге торжественных дат...»	61
«От судьбы не уйдешь, но убежать иногда удается...»	62
«Атака, как лопата, бывает штыковой...»	63
Апрель 2015-го	64
«Я устрою желтую жизнь и вырваны-годы...»	64
«Русская светопись А. Вайнштейна. Городь Одесса...»	65
«Вчера не замечали. Сегодня – поют хвалу...»	66
Иисус говорит	67
«И почил Господь в день субботний. И предписал покой...»	68
Царствие Небесное	69
«Фома доверял осязанию более, чем глазам...»	70
«Финляндский вокзал. Ленин на бронемашине...»	71
«Здравствуй, здравствуй, дракоша, худший из всех рептилий...»	72
«Там была церквушка и бабушка в черном платке...»	73
«Что ж ты сидишь, как в гостях...»	74
«Замеченные опечатки, опечатанные заметки...»	75
«Приговор утвержден. Вот и могила роется...»	76
«До последней черты лица, вы слышите, до последней черты...»	77
«Никого не спросишь, как пройти и что там, за углом...»	78
Май 2015-го	79
«Рулон фото пленки завернут в фольгу...»	79
Два восьмистишия	80
«Утренний дождь сильнее чем тусклый утренний свет...»	80
«В нашем микрорайоне много святых...»	80
«Мать-мачеха и родина-чужбина...»	81
«В кошмарном сне сегодня приснилось мне...»	82
«Как сонные карпы в ставке...»	83
Ессе Номо	84
«Что я должен слышать спросите у них они...»	85
«В перспективе каждое дерево полено бревно или плаха...»	86
«Соловьи соловьи не тревожьте солдат...»	87
«Всех нас кого прогнали сквозь тесный советский строй...»	88
«И щебет птиц под гром ближайшей дискотеки...»	89
«Силлаботоника – строкою тебе дорога...»	90
«Жизнь – смертельный недуг, передающийся половым путем...»	91
«В девятнадцатом веке снесли городские стены...»	92
«И куда нам деваться когда...»	93

Июнь 2015-го	94
«День защиты детей...»	94
«Я знал атеистов разьевавшихся на богословских хлебах...»	95
«Площадь имени не собираться более трех...»	96
Ода Александру	97
«Ни одуванчиком Божьим ни чертовой куклой...»	99
«Теперь театр – бассейн. Затоплен зрительный зал...»	100
«Громкой славой тихой сапой...»	101
«Снилось – лежу на дачной веранде, какой была...»	102
«Выцветшие чернила, старорежимный почерк...»	103
«В небесных чертогах сидит у окна...»	104
«Литва, страна печалующегося Христа...»	105
«То ли ночь темна то ли земля черна...»	106
Блюз конца тридцатых годов	107
Июль 2015-го	108
«Вздорный характер спорная территория...»	108
«Очаровательные деревянные куклы святых...»	109
«Колодец во дворе и двухэтажный флигель...»	110
«Мы шли на еврейское кладбище после рабочего дня...»	111
«Роем траншеи а вдруг начнется война...»	112
«В жизни все получается как всегда...»	113
«Отдайте кесарю – кесарево, а Богу – Богово...»	114
«В этом краю за битого двух небитых дают, а то и трех...»	115
«Еще твоя жизнь может показаться чем-то...»	116
«Апокриф – незаконный полукровок...»	117
«Священный гимнарий российских военных побед...»	118
«Карета катила и кони ступали...»	119
«Они были проще нас. Но жизнь их была сложнее...»	120
«Пришедше на запад солнца видевшие свет вечерний...»	121
«Сотри случайные черты и школьная доска черна...»	122
«Он решался шептать о том, о чем вслух не...»	123
Август 2015-го	124
«Когда хоронят эпоху стихотворные строки...»	124
Конец ознакомительного фрагмента.	125

Борис Херсонский Одесский дневник 2015– 2016; Взрывная волна

Серия «Сафари» основана в 2005 году

В оформлении обложки использована картина А. Ройтбурда из цикла «Григорий Сковорода»

Художник-оформитель *О. А. Гугалова*

«Три года странной войны люди утомлены...»

три года странной войны люди утомлены
все дорожает все раздражает исчезает чувство вины
шкура своя дорога бизнес в стане врага
тревога свободно плавает ее не ввести в берега
на выход с вещами ни выхода ни вещей
мысли в душу впились не хуже таежных клещей
впрочем тундра тайга это тоже в стане врага
там же березки чистое поле золотые стога
просыпаешься вспоминаешь война и обратно в сон
камуфляж и бронежилет это модный фасон
установка град враг пальнет и рад
кресты угрюмо глядят на живых из оград
просыпаешься вспоминаешь война а дальше куда
если завтра мир что делать солдату тогда
неужто снова высотка двадцать второй этаж
до свидания милый окоп и родной блиндаж
просыпаешься вспоминаешь война что же будет потом
то ли русский мир то ли еврейский шолом
и что-то снилось а что забыл но снилось всю ночь
вроде метался кричал но никто не хотел помочь

1 января 2017

Январь 2015-го Под праздничный гром петард

«То тут то там небольшие взрывы, под праздничный гром петард...»

То тут то там небольшие взрывы, под праздничный гром петард.
Вылетают стекла, искалечены двери – ущерб небольшой.
Где-то ходит какой-то ублюдок, если вежливо, то – бастард,
без работы, должно быть, гад, ни гроша за душой.

Пожалеем его, он – пропавший, он – подрывник,
он ошибается только раз, как и сапер.
К тому же убитых нет, повторимся – ущерб невелик.
Но лучше бы он в магазине булочку спер.
Лучше бы поздней ночью он взломал какой-то бутик,
он был бы не подрывник, он был бы правильный вор.

Он был бы подлец, наживающийся на чужом,
но взрывчатка в сумке – это уж слишком, поверь.
Ходи с ножом, негодяй, промышленный грабежом,
но не клади человеку бомбу под дверь.

Потому что от наших душ пойдет взрывная волна,
и накроет тебя она, ублюдок, тебе не спастись, подрывник.
Потому что эта волна – разрушение. И война
из разбитых окон кажет ужасный лик.

3 января 2015

«Смех сквозь невидимые миру слезы...»

смех сквозь невидимые миру слезы
и синие сентябрьские стрекозы
над матовой поверхностью пруда
загустевает сумрак предвечерний
из зарослей густых библейских терний
растут стихи не ведая стыда

здесь быть могла купальщица нагая
здесь шахматы с трудом передвигая
могли сидеть два старца над доской
размеренной расчерченной на клетки
могли играть в пятнашки малолетки
мог стать монахом человек мирской

на миг на час на день не все равно ли
и кто измерит груз душевной боли
на фоне исчезающего дня
листвы слегка желтеющей пропащей
с ветвей сорваться все же не спешащей
и жизни уходящей от меня

здесь быть могли и нимфы и сатиры
мог аполлон бряцать на струнах лиры
из панциря рептилии здесь мог
стоять державин или ломоносов
бердяев иль какой иной философ
замкнувший рот и сердце на замок

здесь никого лишь темный пруд да ива
пейзаж весьма банального разлива
стрекозы водомерки посвист птиц
и в этой пустоте как наважденья
мелькают смерти свадьбы и рожденья
черты и очертанья милых лиц

8 января 2015

«От скромности не умирают. Правитель отправил трон...»

От скромности не умирают. Правитель отправил трон
в кладовку, а в тронный зал поставил грубо сколоченный табурет,
выкрашенный с потеками. И – не умер. Сегодня он
моложе, чем его же старый парадный портрет.

На парадном портрете он в латах и в рубище, только рубин
в перстне, и вырождение, пардон, выражение лица,
выдают в нем гада – покорителя высот и глубин,
моллюска, спрятавшегося в раковине дворца.

На книжных полках разрозненные тома
его предшественников: стоят себе, ну и пусть.
Сам написал брошюру. На большее времени и ума,
не хватило, зато вся страна заучила ее наизусть.

В обиходе его – ни скипетров, ни держав, ни корон.
Золото запрещено. Роскошью стала медь.
Наследник ночью приходит в кладовку – потрогать трон,
полюбоваться, а при случае посидеть.

Правитель знает об этом. Но не проливает слез.
Молодо-зелено. Пусть веселится пацан.
А если сын заиграется, если дело – всерьез...
Что же – казнить сыновей и раньше случалось отцам.

12 января 2015

«По окончании войн опускаются руки скажи...»

по окончании войн опускаются руки скажи
как восстановим руины куда девать блиндажи
полезные бункеры окопы или траншеи
и главное блин куда подевался враг
которого раньше гнали в три шеи
через всю европу и где наш победный флаг

весь дырявый от пуль и осколков и все же победный
где железный меч и щит начищенный медный
где доспехи кольчуги и стрелы в кожаном колчане
как нам теперь обходиться без этих предметов
без воинственных предков и их заветов-запретов
без железных птиц проносящихся в вышине

по окончании войн не знаешь что делать теперь
хорошо если враг вновь постучится в дверь
старую мать убьет изнасилует дочь и сестрицу
тогда-то и встанем плечом к плечу и затянув ремень
с боями европу пройдем и захватим вражью столицу
и навсегда внесем в календарь этот великий день

15 января 2015

«по городу носят взрывчатку в пластиковых пакетах...»

по городу носят взрывчатку в пластиковых пакетах
хозяйственных сумках и маленьких чемоданах
топчут асфальт и брусчатку мы узнаем об их секретах
после взрывов и это просто уточнение данных

сколько окон выбито сколько балконов упало
есть ли убитые или все живы-здоровы
только напуганы тем что мирной жизни не стало
случилась война а законы войны суровы

или их просто нет и взрывы вошли в привычку
не встаем из-за столика только вздрогнем и лица мрачнее
враг выбирает оружие как вор подбирает отмычку
а дверь открыта и так говоря точнее

18 января 2015

«Надеешься на одно а думаешь о другом...»

Надеешься на одно а думаешь о другом
наедине с собою говоришь как с врагом
и правильно быть начеку это главный принцип
одиначества и фантазии повезет так мечты
гонителя ангела глядящего в высоты
на душу как на пастушку в объятиях принца

быть любимым для ангела значит обернуться скотом
хорошая сказка поберегает секс на потом
свадьба сказке конец режет кровать и роды
без лишних деталей без похоти без болей
кровотечений тут принцип никого не жалеет
самый строгий закон это закон природы

быть гордым для ангела означает стать слугой сатаны
и знать что все решено и века сочтены
и озере огненном кончатся все боренья
копыто выставит как у Брейгеля древний Икар
пятку и к небу взамен подымается пар
и в этом причина глобального потепленья

быть свободным для ангела означает парить в облаках
не заботясь о нищих о детях о стариках
о падших женщинах об агрессивных подростках
о исчезающих видах которые занесены
в красную книгу ни о спасенье страны
даже если это россия в крови и зеркальных блестках

ангел на службе посредник между Господом и тобой
он видит как ты тайком читаешь плейбой
представляешь смерть любимых ближних и дальних
и ужасаешься собственным мыслям наедине
с самим собою и плачет на самом дне
ангел-хранитель гонитель многострадальных

19 января 2015

«Склонная к полноте и рассуждениям дама...»

Склонная к полноте и рассуждениям дама,
уже получившая пенсионные льготы,
говорит: «Я – последовательный противник Майдана.
(О себе – в мужском роде, так было принято в семидесятые годы.)

Уж лучше бы жить нам под президентом-вором,
набивал бы мошну, а нас бы не трогал, боров.
Воровство – привычное дело для государства, в котором
нам выпало жить, – страна побирушек, поборов,

тут взятка – налог чиновнику с черного нала,
тут рекет – налог мерзавцу за безопасность.
Я – противник Майдана, но боже, если б я знала,
у чему приведут перестройка и – как ее? – гласность!

Меченый Мишка и Ельцын – хозяин-барин.
Девяностые с уголовщиной романтичной и бурной.
Думаю, что в гробу перевернулся Гагарин,
впрочем, он кремирован, значит, прах летает над урной!»

Я уже не слушаю, а смотрю, как серенький столбик пепла
из последних сил цепляется за тонкую сигарету,
на занавеску, на внучку – как выросла и окрепла!
на рюмку с ликером, что будет выпита ближе к лету,

на обои потертые, зато – хороши картины,
подарки друзей-художников, которых она любила,
а она могла оторваться, вырваться из рутины,
но вот – власть советов поменяли на власть дебила.

А она говорит, говорит, видать, для нее это важно,
что-то юное в тусклом взгляде на минуту воскресло...
Я думаю строчкой Бродского: «Дорогая! Не ваш, но
и ничей верный друг Вас приветствует из антикварного кресла».

20 января 2015

«Большая страна не только видится, но и любит на расстоянии...»

Большая страна не только видится, но и любит на расстоянии,
чтобы рукою своей до тебя не дотянулась,
чтобы тебя не прижала сильнее, чем прижимала ранее,
чтобы ее объятия на горле твоём не сомкнулись.

Издаля, из Австралии, чуть поближе, ну, из Швейцарии,
не замечаешь лиц тех, кто трясется в транспорте,
не жиды ведь и не китайцы, а наши, арии,
и фотки квадратные и надписи нежные в паспорте.

А попадется рябина заезжая или березка залетная,
или калинку-малинку сыграют по местному радио,
плачешь, хоть эта малинка веселая, искрометная,
как и все, что западом у нашей страны украдено.

Или церквушку построит община – меж небоскребами,
не Спас на Нерли, но белая, купол редискою с крестиком,
и не захочешь общаться с евреями высоколобыми,
с протестантами пылкими, с Римским Христовым наместником.

И думаешь: враг силен, но, Отечество, ты победишь его,
и видишь огромную женщину с мечом и щитом, и в шлеме,
а чудище обло, стозевно и лаяй – как у Радищева,
не имеет пока отношения к нам избранной теме.

21 января 2015

«Да, конечно, выросли, подтянулись и поумнели...»

Да, конечно, выросли, подтянулись и поумнели,
влезли в компьютер, на котором клином сошелся свет,
но так и не вышли из гоголевской «Шинели»,
потому что из этой шинели выхода нет.

Мы копили деньги. Мы шили ее всем миром.
И вот разбойник ночной сорвал ее на мосту.
Ах, если бы мама в детстве лечила нас рыбьим жиром!
Ах, если бы полицейский ночью стоял на посту.

Ах, если бы он разбойника взял за шкуру
и свел в участок, ни слова не говоря,
мы бы не пили запоем, не кололи бы в вену ширку,
не праздновали годовщины великого октября.

И если бы эта шинель, которую мы надели,
как шкура вторая прочно к нам приросла,
мы бы уверенно шли к нашей конечной цели,
и хворь бы нас не скрутила, и смерть бы не унесла.

23 января 2015

«Страна есть земля территория странная помесь...»

страна есть земля территория странная помесь
terra incognita с terra promissionis
нам обещано то что покуда неведомо нам
путешествовать то же что оглядываться по сторонам

а надо бы нам вперед напрямик без оглядки
туда где земля образует горные складки
провалы пропасти жерла где блеск озер
где Бог являет Себя как мальчик как фантазер

26 января 2015

«Я воробей которого провели на мякине...»

я воробей которого провели на мякине
бумажный кораблик которого маяки не
направили в порт на краю замерзающей лужи
я оптимист который верит что будет хуже

я водосток по которому льется с крыши
я самолетик который верит что будет выше
я заводная игрушка и где ты моя пружинка
я несчастный паяц и где ты моя ужимка

без костюма и маски на чудовищном маскараде
без мундира и каски на военном параде
на исходе жизни впадающей во времена террора
мне жалко вора когда его преследует свора

мне жаль блудницу она возлюбила много
я знаю что даже страшный суд не осудит строго
я помню маму которая тащит меня за руку
спасибо Богу за ласку спасибо всем за науку

27 января 2015

«Ни кола ни двора все берем на ура...»

ни кола ни двора все берем на ура
обжигаясь о нас вьется жизнь-мошкара
эти утлые крылышки эта пыльца
эти сильные мышцы бойца

эта тощая хвоя с ее желтизной
никогда не поймет что случится весной
как полезут ростки из порожней земли
на которой лишь беды росли

комитет бедноты безлошадной чумной
краснозвездный висит дирижабль надо мной
древний трактор по полю ползет тарахтит
тракториста от пьянки мутит

в дни военные трактор оденут в броню
урожай был хорош но пропал на корню
из парижского гетто бетон и стекло
возвращается барин в село

едет барин на бричке помято лицо
и доедет ли то до москвы колесо
а до тулы доедет вот истинный крест
до глухих заболоченных мест

да и мы плохо слышим оглохли вполне
что нам музыка та на короткой волне
что нам друг или враг на короткой ноге
что победа на курской дуге

хорошо гастроном открывается в два
на дощатом заборе плохие слова
тяжело на душе не подымет атлет
проживем еще несколько лет

едет барин на бричке пейзаж незнаком
взгляд скользит не задерживаясь ни на ком
кучер хлещет коня конь плетется едва
на заборе плохие слова

все же лучше чем мысли у нас в голове
впрочем мыслей немного одна или две
чуть колышутся как деревца на ветру
шевелият мозговую кору

28 января 2015

**«Мы говорим «ничто не забыто»,
хоть все из памяти смыло...»**

Мы говорим «ничто не забыто», хоть все из памяти смыло.
Мы говорим «никто не забыт», но при встрече в аду – не узнаем.
Да направится молитва моя пред Тобою, яко кадило.
Да обернется кара незаслуженным раем.

Да явится на поверхности вод Твое отраженье,
как было в дни до начала, до первого Слова.
Потому что Вселенная ущербна со дня рожденья,
потому что Творенье прекрасно, но прогнила его основа.

Пусть будут жертвой Тебе воздетые к небу руки,
Пусть руки Твои, простертые на Кресте, будут ответом.
Пусть наши напрасные муки зачтутся, как крестные муки,
Пусть тьму наших мыслей Ты рассеешь предвечным светом.

Ибо свет – Твой единый ответ, а иначе ты не умеешь,
потому что таков порядок в Царстве Небесном,
есть только свет и тепло – Ты сияешь и Ты – согреешь,
светлым теплым Словом в мире темном и бессловесном.

30 января 2015

«А не страшно ли нам под Иродом, не под Богом?..»

А не страшно ли нам под Иродом, не под Богом?
А не страшно, что на ограде проволока под током?
А не страшно на нарах лежать на боку, и война под боком?

Нет, не страшно ничуть, нам что Бог, что царь Ирод.
Нет, не страшно, ведь ров глубокий вокруг ограды вырыт.
Нет, не страшно ничуть на нарах, вор у вора не стырит.

А не страшно ли нам одним на свете остаться?
А не страшно, что список друзей вспоминаешь, как святцы?
А не страшно, что наши враги нас целуют со словом «братцы!»?

Нет, не страшно ничуть оставаться одним и во тьме, и на свете.
Нет, не страшно умерших вспомнить – ведь мы не дети.
Нет, не страшно с врагами брататься, если пуля есть в пистолете.

А не страшно ли нам за столом, накрытым зеленой клеенкой?
А не страшно ли нам в окопе рядом со свежей воронкой?
А не страшно, что наша жизнь повисла на нитке тонкой?

Нет не страшно сидеть за столом, если водка на дне бутылки.
Нет не страшно в окопе, если выбриты лбы-затылки.
Нет, не страшно, покуда звенят грехи, как монетки на дне копилки.

31 января 2015

Февраль 2015-го Второй скелет

Левиафан

Главный герой кинофильма – это скелет кита.
Водка плохо, но все же лучше, чем наркота.
Люди в принципе несущественны, особенно, где холода.
Особенно, где к обрыву тяжело подступает вода.

Природа – задник спектакля, северный тусклый пейзаж,
он не знает ни похоти, ни государственных краж,
ему даже храм не нужен, здесь и сегодня, как встарь,
небо – предвечный купол, любая скала – алтарь.

И что там страсти людские, которым копейка цена,
и что там продажные твари, если вся земля спасена,
если кит, истлевший возле прибрежных скал,
легкой смерти искал и – нашел, что искал.

Поднять скелет – не по силам, понять – не по уму,
неведомо братским могилам, каково истлевать одному,
под ударами волн холодных, под крики голодных птиц,
под пенье солдат безродных, стоящих на страже границ.

Люди здесь неуместны и, чувствуя это, идут
прямоком к гибели, жизнь невозможна тут,
разве что жизнь чудовища, всплывающего со дна,
черным бугром возвышается над волнами его спина,

но и эта жизнь завершится, и через несколько лет
рядом с первым скелетом ляжет второй скелет.

1 февраля 2015

Шаббат шалом!

Царица Суббота идет по местечку, легка походка,
незримы следы.

Старенький Мойша идет перед ней, в ставни стучит,
и местечко внимает его словам:

он кричит: «Суббота идет, евреи, бросайте труды,
вас давно уже нет на свете, пора успокоиться вам,

довольно истлевшую обувь латать, доить зарезанных коз,
подметать разрушенные дома, наводить в пустоте чистоту,
пора усмирить этот гвалт, этот еврейский колхоз,
не кричите от боли, ваш крик слышать за версту!»

Успокойся, Мойша, никто не слышит наш крик,
успокойся, Мойша, никто не слышит твой стук,
уж если кто суетлив – это ты, несносный старик,
стучишь в пустоту, мертвый старик, не покладая рук,

Чего тебе надо, въедливый книгочей?

Две халы на белой скатерти, в бокалы налито вино,
женщины что-то шепчут, зажигая огни субботних свечей,
но шепот тоже не слышен и свечи стгорели давно,

Но Суббота царствует, предваряя вечный покой,
для Единого вечность короче субботнего дня,
Старенький Мойша стучит в ставни слабой рукой,
он мертв, он горд, он думает: вечность идет позади меня.

2 февраля 2015

«Мы живем вчерашними слухами надеждами опасениями...»

мы живем вчерашними слухами надеждами опасениями
мы сравниваем себя с увядающими растениями
с одеждой изношенной выброшенной без сожаления
с техникой постепенно выходящей из употребления

наши уши засорены шепотом лжи проторенной
наши ноги уныло топчут мостовые страны опозоренной
наши мысли ходят по кругу словно пони на привязи
наши мифы застыли как перед камнем витязи

ни налево пойти ни направо а прямо пути заказаны
руки прячем за спину как будто связаны
держали язык за зубами а чаще протезами съемными
умирали рабами а жили вольнонаемными

жили вольнонаемными получали авансы с зарплатой
на субботники выходили с веником и лопатой
после пили всем коллективом водка льется и время тянется
думали выпьем стаканчик глядишь и все устаканится

а потом анекдоты старинные сальные непотребные
потом карманы пустые и романы служебные
раз за жизнь санаторий раз в две жизни путевка в Болгарию
сегодня и ежедневно начальство с пропитой харею

а был ли смысл или цель спросите у священников
а была ли чистая прибыль спросите у мошенников
а была ли правая власть как помрете у ангелов спросите
а несете ли вы проклятие так вы всегда его носите

3 февраля 2015

«То отсутствие носа то опустела касса...»

то отсутствие носа то опустела касса,
то водки не продают до второго часа
в рыбном отсутствие рыбы в мясном отсутствие мяса
лица разнятся но в головах однородная масса
в стране разруха в людях присутствие духа
всюду сердца широки а улыбки от уха до уха
в космосе спутник би-бип в ящике пачка открыток
в законе вор у вора на стреме маруха
хочется чтобы прибыль а на деле один убыток
гоголь ходит по невскому невинский находится в риме
актеры безлики а дамы гуляют в гриме
в каждой супружеской спальне ночная камера пыток
молчуны отдают предпочтение пантомиме
говоруны предпочитают кафедры или трибуны
гитаристы поют романсы щипают струны
в небе два архангела первый с мечом а второй с трубою
майор ковалев смотрит на пустоту над верхней губою

4 февраля 2015

«Все для фронта которого в сущности нет...»

все для фронта которого в сущности нет
все для победы которой не будет и все же
все для пыльных тропинок далеких планет
все для тех кто были раньше и будут позже

все для тех кто были до нас и придет после нас
чтоб наступить на наши любимые грабли
лишь бы ни крохи не оставалось на этот час
лишь бы для нас живых не оставалось ни капли

5 февраля 2015

«Пес возвращается на свою блевотину поговорка стара...»

пес возвращается на свою блевотину поговорка стара
двадцать пять веков по меньшей мере античный миф
от добра не ищут добра и от зла не ищут добра
никто не ищет добра совесть свою распрямив
не везет поэта по облакам сильный крылатый конь
бледный конь откровения популярен в такие дни
кто прометей принесший людям прицельный огонь
контрольный выстрел в затылок и мы остались одни
потому что в лесу каждое дерево стоит само по себе
потому что в городе каждый дом рушится а другим
дела нет и тот кто победил в борьбе
за неправое дело он и споет национальный гимн
он будет стоять по струнке руку к сердцу прижав
он будет выталкивать спертый воздух через гортань
ружье не стреляет а штык зазубрен и ржав
но над полем боя всегда простерта Божия длань
меркнет солнце и остывает земная кора
сброшена ноша которую ты сгорбившись нес
слышишь вой и лай доносится со двора
на свою блевотину вернулся бешеный пес

6 февраля 2015

«Маленький посетитель воскресной школы...»

Маленький посетитель воскресной школы
говорит, что в раю будут планшеты и ванны, чтобы играть и
мыться.

Также будет много спрайта и кока-колы,
а небеса высоки – чтобы все могли распрямиться,

потому что горбатого исправит не сырая могила,
а райские кущи с фонтанами и беседкой,
и чтобы чистая сила парту на крыльях носила,
за которой прописи пишешь с прекрасной соседкой,

потому что в раю обязателен белый передник и прозрачные банты,
и белые воротнички, подшитые к форме суконной.
И еще говорят, что небо держат атланты
и каждый из них – со своей чудотворной иконой.

И пустят туда только братьев-славян по крови.
По улице медленно, глаза опустивши долу,
мама в длинной юбке и в платке по самые брови
ведет сыночка на литургию и в воскресную школу.

7 февраля 2015

«Лег под иконы на скамью – не встанешь со скамьи...»

Лег под иконы на скамью – не встанешь со скамьи.
Рождение в кругу семьи и смерть – в кругу семьи.
Висят иконы на стене. Вокруг стоят свои.

Родился – ты уже в кругу, и умер ты – в кругу.
Родился – ты уже в долгу, и умер ты – в долгу.
Ты задолжал своим родным, а заплатил врагу.

Быт заскорузлый, крепостной, тут нет особых бед.
Пост, мясоед, и снова пост, и снова – мясоед,
Жить впроголодь – ты будешь здоров, есть много – страшный вред.

Стоит усадьба на холме, вокруг усадьбы – сад,
наш барин не в своем уме, живет – и сам не рад.
А немец-староста умен, подлец и казнокрад.

С берданкою старик хромой поставлен сад стеречь,
нельзя ни деревцо срубить, нельзя усадьбу сжечь,
нельзя с курсисткой нежной лечь, но не об этом речь.

Нельзя податься в ближний лес – там вор чинит разбой,
нельзя в столицу – там еврей зовет на смертный бой,
нельзя податься никуда – ты человек простой.

Ты – непутевый человек, небрит и неучен.
А старый мир – нелеп, как ты, и тоже – обречен.
Еще не знает старый мир, что скоро рухнет он.

Еще не знает старый мир, что он – пустой мираж.
Бросает бомбу негодяй под царский экипаж.
Цареубийство – это грех, не лучше мелких краж.

Вот пятеро среди толпы, чуть дергаясь, висят.
Стоит усадьба на холме, вокруг усадьбы – сад.
Стоит Россия на земле, под ней зияет ад.

8 февраля 2015

«Не люблю напыщенных сук голубых кровей...»

Не люблю напыщенных сук голубых кровей,
широкощеких с носом прямым и верным рисунком бровей,
как посмотришь на фотку в паспорте – арий или Арей.
А скорчит рожу – так не бывает кривей.

Им идет военная форма. Особенно кант голубой
внутренних дел-безопасности от инородцев и проч.
Подлецу все к лицу, к ягодицам наряд любой,
их делают под копирку, по лекалам точь-в-точь.

По прописям и по прорисям, по истинам прописным.
По трупам, по головам, по трубам, где нефть и газ.
По Питерской, по Тверской, а уходить запасным
ходом – такой всегда отыщет крысиный лаз.

Господь Иисус Христос велел мне любить врагов,
любовью, которая не знает ни объятий, ни нег.
И я бы любил врага с десяти шагов,
щуря глаз, у сабли, воткнутой в снег.

9 февраля 2015

«Силиконовое лицо лучше аналогичной груди...»

силиконовое лицо лучше аналогичной груди
с лица воду не пить тем более молока
принцип пластической хирургии не навреди
креатив перекраивай личность и пусть не дрогнет рука

пусть вздуваются мышцы анаболики плюс белки
пусть морщины не портят лоб товарищ ботекс рулит
твой портрет нарисует правнук асфальт цветные мелки
приказы отдаст командир и все разъяснит замполит

хорошая форма военная должна ложиться поверх
прекрасной физической формы как матрешка одна в одну
высоко в небе летает красавец-стерх
россыпь греческих амфор по черноморскому дну

то ли донное дело байкал там не найдешь ни хрена
кроме древних ракообразных что вдвое старше земли
за то что мы сделали не проклинай страна
скажи спасибо что мы не сделали все что могли

10 февраля 2015

«Взрывы норма жизни с ними сживаясь ты...»

взрывы норма жизни с ними сживаясь ты
перестаешь замечать человек что тебе кранты
ходят по парку парюю подрывник и сапер
шепчут друг другу на ухо интересно о чем разговор

понятно о смысле действий где лопата там и подкоп,
где заговор там и подвох, где подлость там и подлог
у бабушки на огороде вырос честный укроп
где тетушка там бузина где Бог там и порог

понятно о смысле смерти нежданной как обвал
понятно о водке чтоб смертный об утратах не горевал
где ума палата там в палате строгий надзор
где усики черным квадратом там волосы на пробор

ходят парюю по аллее сапер и друг подрывник
ангел губитель с облака с нежностью смотрит на них
мы подневольные птицы пора брат давно пора
сияет черное солнце осколочная дыра

14 февраля 2015

«Потерялась собака сука а жизнь какая...»

потерялась собака сука а жизнь какая
вниз по спуску жанны лябурб идет человек вздыхая
что жизнь собачья и потеряна без возврата
что трата времени всегда излишняя трата

на столбах телеграфных большие часы тарелки
работают на электричестве движутся дергаясь стрелки
сабанеев мост три массивных арки
потерялась собака сука дворняга но вроде овчарки

потерялось время не простое а золотое
как яичко курочки рябы оставьте его в покое
оставьте его между черных стрелок зажатым прочно
между лживых газет где смысл читается междустрочно

бренча в кармане мелкой монеткой разменной
человек идет по неряхе-одессе послевоенной
потерялось время и память утрачены вехи
потерялась жизнь в ней провалы или прорехи

сидит на карнизе голубь хозяйский он окольцован
идет человек в пиджаке который перелицован
на пиджаке медаль и орденские колодки
в кармане пачка примы и шкалик водки

идет человек напевая эх ты фронтовая дорожка
вниз по спуску жанны лябурб пошатываясь немножко
может это водка а может походка морская
потерялась собака сука а жизнь какая

15 февраля 2015

«Слишком долго молчали орудия и танки стояли в ангарах...»

слишком долго молчали орудия и танки стояли в ангарах
слишком долго ракеты в шахтах ждали нацелясь куда-то
слишком долго дети спали спокойно а студенты скучали на парах
обсуждая преподав которые староперы и партократы

слишком долго в универсамах от продуктов ломились полки
слишком вольно прекрасные дамы вдоль полок катили тележки
слишком долго в брянских лесах зубы не скалили волки
слишком долго враги народа собирались не чувствуя слежки

кто-то даже писал что история навсегда прекратила
течение свое лишь изредка проснувшись шутит от скуки
и где вы герои фронта и где героини тыла
изживающие у станков непомерную тяжесть разлуки

были прочно забыты азы военного дела и нежные девы
разлюбили военных что им сапоги да погоны
мы мирные люди и только по пьяни олигархи нардепы
пострелять и размяться выезжали на полигоны

а порою заезжий киллер сидел поджидая когда добыча
на пробежку в спортивном костюме в сопровожденьи охраны
и еще рэкетиров местных походка бычья
и в домкомах месткомах вымирающие ветераны

и овчарка сторожевая мирно бежит вдоль забора
и с поводком за нею хозяин идет без спешки
а война с ухмылкой глядит с компьютерного монитора
зная что жизнь игра а люди в ней только пешки

16 февраля 2015

«Снимались на фоне Юга...»

Снимались на фоне Юга
радовались фотоснимку
народы любили друг друга
пары ходили в обнимку

гордились своей работой
клали зубы на полку
в армию шли с охотой
а потом в самоволку

детям дарили подарки
пять конфет в целлофане
весной целовались в парке
отмывались в ближайшей бане

очередь два квартала
план в ударные сроки
партия предначертала
как говорили пророки

а если что не сбывалось
или сбывалось отчасти
то это такая малость
на фоне советской власти

на фоне фотоальбома
на фоне кафе ромашки
на фоне общего дома
хрущевской пятиэтажки

18 февраля 2015

«Искал в кармане деньги, нашел там собственный кукиш...»

Искал в кармане деньги, нашел там собственный кукиш,
а на кукиш советских времен сейчас ничего не купишь.
Продавщица смотрит с издевкой, очередь глухо рычит.
Интеллигент! Шляпу надел! Что ответишь этой ораве?
Надел бы еще очки в роговой оправе,
а лучше бы шлем, копье и червлёный щит —

пусть брешут на этот щит лисы на Диком поле,
пусть сам доживешь свой век в половецкой неволе,
и никакой Кончаковны в невесты, только труд-чародей
на благо хана, его семьи и его каганата,
лишь бы не у прилавка, где не любят нашего брата
и наших сестер не любят, тем более — наших детей.

А тут еще и очки — винтаж — роговая оправка,
лишь работник великой армии не работать имеет право,
владеть землей, и никогда — паразит.
Стоит интеллигент, шляпу на лоб надвинул,
смотрит на собственный кукиш, что из кармана вынул,
а что с ним делать никак не сообразит.

19 февраля 2015

«Что знаю я о Верхотурском святом Симеоне...»

Что знаю я о Верхотурском святом Симеоне,
кроме того, что на монастырской иконе
он сидит с самодельною удочкою в руке,
ловит рыбку в местной реке,
на фоне белых больших монастырских зданий?
В области агиографии мне не хватает знаний.

Возможно, он голоса ждал – оставь рыбацкую снасть,
ты будешь ловцом человеков, душам не дашь пропасть,
ты будешь святым апостолом для Урала,
чтоб адская сила душу его не украла,
ибо есть душа и у древних уральских гор,
эту душу геологи не нашли до сих пор.

Зато обнаружили залежи железной руды, малахита,
есть изумруды, но тайна их глубже скрыта,
есть самоцветы – им ломаный грош цена,
есть ломаный грош, есть глубокая старина,
есть память о пугаче и о подлеце хлопуше,
отрублены головы или урезаны уши.

Проведите меня, проведите меня к нему!
Хорошо у речки монаху сидеть одному,
напевая тексты псалмов или канон покаянный,
покуда над миром не погаснет закат багряный,
к тому же сегодня хорошо клевало с утра.
Пять хвостов неподвижных смиренно торчат из ведра.

21 февраля 2015

«Современным сражениям тесно на улицах городов...»

современным сражениям тесно на улицах городов
на помощь приходит бомба тысяча в ней пудов
что соответствует весу шестнадцать тонн
как поется в песне пятидесятих годов
прощайте девушки прощай притон

мы мирные люди но наш бронепоезд трофеев полный вагон
мы мирные люди одетые в камуфляж
три танкиста три друга машины боевой экипаж
обломок к обломку индустриальный коллаж
каховка каховка родная винтовка но лучше калаш
установка на дружбу и установка град
горячая пуля горячее сердце не знают преград

каховка каховка родная винтовка окончен наш светлый путь
на улицах тесно а нужно еще в переулок свернуть
всей боеспособной техникой всей армией всем полком
или всем сердцем безразлично не в этом суть
плечистый и крепкий в футболке и кепке дурак дураком
ищут пожарные ищет милиция но парень нам незнаком

страховка страховка была бы сноровка а ум ни к чему
набьешь папироску порохом и империя вся в дыму
перейдешь границу и никаких границ куда ни погляди
ткань небес рвется в клочья превращается в бахрому
восходит черное солнце медаль на Божьей груди
не надо печалиться душу не береги

22 февраля 2015

Смерть Ильи Ильича

Ни христианских таинств, ни античных мистерий,
ни египетской мистики, ни индийской сансары,
жизнь человека зависит от молочнокислых бактерий,
творцов простокваши, которую от века едят болгары.

Помолимся же бактериям, чтобы они нас хранили,
от всякой напасти, от гнусной мясной отравы,
от внешнего понуждения и от внутренней гнили,
причастимся кисломолочного, будем вовеки здоровы.

Прежде все бактерии были кисломолочными, но от гордыни
бактерии стали гнилостными и низверглись в кишечник,
а могли бы жить в молоке, среди белой вечной святыни,
очищая старых людей, превращая их в млечных-вечных.

Но предстанут они перед страшным судом микроскопа,
пупырышки-колонии на среде из агар-агара,
И придут антибиотики, и кладбищенского землекопа
днем с огнем не найдешь, не вкусивши мясного отвара!

Ибо смерть и гниль затаились в убойном мясе,
человечество привыкнет к воздержанью от этого яда.
Стремление к кисломолочному живо в народной массе,
Простокваша – залог бессмертия, наша жизнь и отрада.

Микроскоп на столе. Илья Ильич в антикварном кресле,
он и сам антикварен в костюме-тройке, в манишке белой.
Странно, он скоро умрет от инфаркта, если
умрет, то тело используют для вечных научных целей.

А после сожгут в печи, и институт Пастера
примет прах сына России, молдаванина и еврейки.
Спасенье в кисломолочном. Такова была его вера.
Он искал лазейки в бессмертии, но не нашел лазейки.

24 февраля 2015

«Линия фронта не одна – их две...»

Линия фронта не одна – их две,
челюсти, размалывающие тех и тех.
Голова – одна, а в этой голове
длинный список-перечень воинских утех.

Похороны павших, гранитный монумент
в каждом захолустном горе-городке,
однотипные надгробья – серый цемент —
рядками-рядками, смерть на каждом рядке.

К проводам там вырастут бумажные цветы,
будет и немало пластмассовых венков,
в каждом доме сироты – голодные рты,
в каждой хате – пара безутешных стариков.

Лица взяты в траур в рамках под стеклом,
фото выцветают наперегонки...
Вроде бы победа, а все пошло на слом.
Подрастают сироты. Уходят старики.

27 февраля 2015

Март 2015-го Перешеек воспоминаний

«Снаружи покрылись шерстью и изнутри озверели...»

снаружи покрылись шерстью и изнутри озверели
и где там телячьи нежности и соловьиные трели
а если не трели хотя бы чириканье воробья
и надежды нет на непробудную старость
когда вокруг да около волнами ходит ярость
как вода полуостров с трех сторон омывает тебя

остается цыплячье горлышко узенький перешеек
воспоминаний о парках о рядах зеленых скамеек
осторожно окрашено о томлении по вечерам
в зарослях номера без всяких штампов о браке
танцплощадка ромашка какие же танцы без драки
на надбровье слева доныне остался шрам

армия и тюрьма воспитывали мужчину
сидящего в кабинете берущего не по чину
беспощадного склонного к пьянству и наркоте
но шерсть не росла и клыки из-под губы не торчали
и вспоминали господу в час печали
и если детей не рожали, то заботились о коте

на гробах не плясали, не плевали в могилы или
плясали плевали да только все позабыли
откроешь семейный альбом тридцатых годов
и увидишь звериные головы над пиджаком или блузкой
на фоне площади красной или березки русской
или гипсового подростка всегда и на все готов

1 марта 2015

Саше Ройтбурду

Живет ребе на небе, под ним золоченый трон.
На левом плече сидит Моисей, на правом плече – Аарон,
шепчут в уши ему премудрость с обеих сторон,
это – устная Тора, нерушимый закон.

Кошерная рыба плывет в медовой реке.
Пасется молочное облако от тучи мясной вдалеке.
Никто не дерзнет сварить козленка опять-таки в молоке
козы-дерезы, за три гроша купленной на ярмарке в городке.

А была хорошая ярмарка, и совсем не плох городок,
и коза хорошая, дойная, слабая на передок,
и синагога просторная обращена на восток,
и полицейский усатый, в корявых зубах свисток.

Но все это тут, на небе, где хала лежит на столе,
и все-таки интересно, что осталось там, на земле,
как там соседские дети, в достатке, небось, и в тепле,
находят ли до сих пор золотые коронки в золе.

Наверно, если находят – думают, повезло!
Вместо кладбища парк, там девушка опирается на весло.
В синагоге клуб, там танцы или церковь – Христос Воскрес.
Жаль, такие подробности не различишь с небес.

2 марта 2015

«Что хотят – то и делают. Утренняя электричка...»

Что хотят – то и делают. Утренняя электричка.
«Что хотят – то и делают», – раскачивается истеричка.
Платье не по сезону, ужасна раскраска лица.
«Что хотят – то и делают», – твердит она без конца.

И кто эти гады, что вечно хотят чего-то
запретного, страшного, это не наша забота.
Важно то, что наши желанья несбыточны, а они —
что хотят, то и делают, не выносят пустой болтовни.

Захотят – пустят по миру – голодной, раздетой, разутой,
захотят – подарят портфель с иностранной валютой,
захотят – создадут проблемы, захотят – создадут уют,
захотят убить, понятное дело – убьют.

«Что хотят – то и делают», – безумная причитает,
напротив мужик в камуфляже детективчик читает.
Проехали Дачную. Скоро – Одесский вокзал.
А женщина все лопочет, а он – ничего не сказал.

И о чем говорить? – посреди пустого вагона.
В детективе – победа воровского закона.
За окном – кирпичное здание, какой-то погибший завод.
Вдоль путей идет цепочкой подневольный народ.

3 марта 2015

Памяти о. Михаила Шполянского

С духовниками мне везло приблизительно так:
все – уходили, кто – в ересь, а кто – в раскол,
кто – в запой, кто – в счастливый повторный брак,
кто – в весеннее небо, где сиял Предвечный престол.

Кто расскажет мне, Миша, сегодня веселое что-нибудь,
о святом, с головой под мышкой восходящем к вершине горы,
о младенце, который по средам и пятницам не брал материнскую
грудь
и жмурил глаза, чтоб не видеть грудь до поры?

Кто, купаясь в крещенской проруби, поставит бутылку на лед
плюс – тарелку с соленьями и жирной нарезкой свиной?
Тело теряет в весе, а значит, возможен полет,
а если полет невозможен – епископ тому виной.

С кем за богословской беседой мы выпьем по двести грамм
в просторном дворе под победный звон комаров,
стараясь не видеть вдали запертый храм,
где ты уже не священник – приноситель Святых Даров.

Как любил я вас всех, неправильных, ломаных – сам такой,
без излишней важности – раблезианцев, кутил!
Вас всех, которым Церковь не обещала покой,
вас всех, которых Спаситель призвал к себе и простил.

4 марта 2015

«Не все золото что орда...»

не все золото что орда
была бы страна горда
мог бы народ пока не заках
носить ярмо на плечах

чтоб дар валдая над головой
чтоб рядом зверь полевой
чтоб в небе сокол или иной
хищник правил страной

чтоб гнали каторжных за урал
тот убил а этот украл
а этот калечил людские умы
народ выводя из тьмы

пересекает волгу паром
не кончится дело добром
не все захватчик что татарва
полюбуйся собой сперва

5 марта 2015

«Куплю обои с орнаментом из крупных ушных...»

куплю обои с орнаментом из крупных ушных
раковин с приросшими мочками волосатых стоящих торчком
такие бывают у стукачей низкорослых пушных
по переулкам тихо пробирающихся бочком

сверкающих красными глазками если падает свет
от промелькнувших дальних автомобильных фар
сколько их осталось внимательных верно берущих след
дежурных по сновидению под названием ночной кошмар

я оклею обоями спальню и буду считать перед сном
эти жуткие уши из прошлого до смыкания глаз
их владельцы уже лет двадцать отдыхают в мире ином
подвывают тихо попискивают и ждут с нетерпением нас

6 марта 2015

«В театре военных действий, сидя в партере...»

В театре военных действий, сидя в партере,
генерал сверяет по программке наши потери,
в оркестровой яме кишки играют марши, на сцене кричат «Ура!».
Под потолком летают диковинные аппараты,
управляют ими либералы и демократы,
по потолку крест-накрест гуляют прожектора.

Билетерша светит фонариком в ковровом проходе.
Лицо похоже на противогаз, такие сегодня в моде.
За ней идет опоздавшая пара, их место в первом ряду.
Веера гуляют у лиц, покрасневшихся от азарта,
меняя черты, лежит европейская карта,
Товарищ тиран ест ее у всех на виду.

В ожидании конца спектакля у входа автомобили
покрыты толстым слоем военной пыли.
Водители посидели и сгорбились, но финал
еще не скоро – из театра доносится грохот,
ружейные залпы и противотанковый рокот,
и где тот третий звонок, и где тот победный бал?

«Тредиаковский любил Россию всем украинским сердцем...»

Тредиаковский любил Россию всем украинским сердцем.
Вспоминая взоры, Пушкин подъезжал под Ижоры.
Декабристы будили Герцена. И, пробудившись, Герцен
шел с Огаревым обниматься на Воробьевы горы.

И ямбический стих гремел на бескрайних просторах.
И на базарах звучали призывы к ямбической силе.
За неимением кокаина ребята нюхали порох,
а селянки ходили к речке в селянском стиле.

И, оставив на бережке все, до последней рубахи,
входили в зябкую воду к карпам и крупным ракам.
А из зарослей на селянок смотрели парни-рубаки,
привыкшие к танцам в клубе и молодецким дракам.

Товарищ Ленин курил на площади с Неизвестным Солдатом.
На дверях пивной красовался замок амбарный.
Империя выходила полюбоваться своим закатом,
И катил на Запад конвой, как положено, гуманитарный.

7 марта 2015

**«В жизни всегда есть место подвигу
– тема пионерского сбора...»**

В жизни всегда есть место подвигу – тема пионерского сбора.
В жизни всегда есть место подлости – до предела и до упора.
В жизни всегда есть место магии бабке с яйцом да свечкой
В жизни всегда есть место сверчку, хотя бы за русской печкой.

В жизни всегда есть место, как в сельском клубе на старом
скучном фильме грошовом, никому не нужном и даром.
В жизни всегда есть место всем и всему, что тебе угодно.
В жизни всегда есть место любви, и это место свободно.

8 марта 2015

«Разбаловали нас, надо бы с нами построже...»

Разбаловали нас, надо бы с нами построже...
Под потолком пустые слова кружатся, как мертвые мухи.

12 марта 2015

«Нас чуть-чуть не посадили. Мы едва не сбежали...»

Нас чуть-чуть не посадили. Мы едва не сбежали.
О наши тупые головы Моисей сокрушил скрижали.
Не для того пролетарии убили и съели отца,
чтоб плясать еврейские танцы вокруг золотого тельца.

и то ужасно, телец из меди, хоть позолочен,
натуральный фальшак, а Божий храм заколочен,
там склад зерновых, там ходит амбарная мышь,
там колен не преклонишь и спину не распрямишь.

Ничего не случилось с нами, а было близко,
топтуны ходили за нами, под подошвами было склизко,
и не то, чтобы небо прогневалось, но дождичек моросил
по мере убогих осенних небесных сил.

13 марта 2015

«Например отменная готика снаружи все как всегда...»

например отменная готика снаружи все как всегда
башенки контрфорсы горгульи химеры вода
при сильном ливне низвергается через пасти
чудовищ которыми славны немецкие города
апостолы с облаков забрасывают рыболовецкие снасти
ловцы человекoв никому не приносят вреда

но внутри соборы пусты ни одной души
никому не скажешь иди и впредь не грши
даже падшие женщины к иконе не припадают
даже нищие здесь не собирают положенные гроши
даже скорбящие закусив платки не рыдают
даже корыстные патеры не подсчитывают барыши

потому что счеты закончены стекла закопчены
витражи частично утрачены с огромной пустынной стены
глядит ужасная маска на заезжую пару
исполненную чувств растерянности и вины
присматривающуюся к пустынному готическому кошмару
уцелевшему чудом во дни второй мировой войны

к тому же у входа склоненный Господь Иисус Христос
поддерживает солдата в каске – Господь не задает вопрос
за что погиб этот немец на фронте восточном или
на западном где как известно меньше советских берез
но чаще бомбят вернее раньше бомбили
а нынче в других местах бомбят и тоже всерьез

14 марта 2014

«Из разрушенной церкви Св. Йогана в церковь Св. Фомы...»

Из разрушенной церкви Св. Йогана в церковь Св. Фомы
катит в тачке кости плюс остатки гроба из цинка
старый сторож – как будто бы из тюрьмы
выпускает старого Баха – виниловая пластинка,
затем – цифровая запись, затем – в мировой сети
душу-музыку Баха каждый может найти.

Старый сторож кричит: эй, интендант!
Открывай ворота, впускай постояльца!
Я привез тебе Баха! Здесь жил такой музыкант —
на каждой ноте оставил свой отпечаток пальца.
Носил кучерявый парик, голландский фасон,
потом его открыл еврей Мендельсон.

Мендельсон открыл, а я, как видишь, отрыл,
я привез домой старика, по месту работы – квартира,
Война завершилась, теперь здесь глубокий тыл,
советская оккупация, все стоят на защите мира,
всюду – танки, военные, пулемет, автомат, наган,
что тут делают старорежимные хор и орган?

Открывай, интендант, я привез тебе Баха, теперь
он будет спокоен, в алтаре, под большою плитою,
я привез тебе Баха, не медли, открой ему дверь,
нам всем еще жить и жить у советских солдат под пятою.
Нам всем стоять по струнке и ходить по прямой.
Открывай, интендант, я Баха привез домой.

15 марта 2015

«Не жилец в этой стране. Слишком хорош для нее...»

Не жилец в этой стране. Слишком хорош для нее.
Носится с собственной совестью, словно с писаной торбой.
Говорит – бессознательное определяет небытие,
гордится маленькой комнаткой, как гомункулус – колбой.

Он и есть гомункулус, из алхимических недр,
выращенный для кунсткамеры, на потеху зевакам,
нашей березки ему милее ливанский кедр,
к условиям жизни он относится, словно к условным знакам.

А условия улучшаются, жить становится веселей,
возрастают доходы на душу, ассортимент товаров
расширяется с каждым годом. Все лучше вести с полей,
меньше лесных пожаров, меньше ночных кошмаров.

Правда, война продолжается, но вяло и далеко,
а военная форма – дань современной моде.
Целимся в яблочко, чтобы попасть в молоко,
память о павших, как водится, вечно живет в народе.

Чтоб провалиться в сон дети считают овец,
ворона лисице дает уроки вокала.
Мы все здесь прописаны, а этот здесь – не жилец,
хорошо, что по расписанию идут поезда от вокзала.

16 марта 2015

«Как между страниц превращают цветы в гербарий...»

Как между страниц превращают цветы в гербарий,
как попадает Слово Божье под комментарий,
так пропадает речь в глубине канцелярий.

Так она на улице валяется, смята
мозолистою рукой державного мата,
так совесть трещит под тяжестью компромата.

Так костью в горле застревает русское слово,
не в силах справиться с напором умысла злого,
речь дала слабину – не судите строго.

Мы ее не уберегли, мы сдали ее на потребу
безъязыким, отдавшим сердце зрелищам, хлебу,
оттого и молчим, лицо обращая к небу.

17 марта 2015

Завтра

завтра праздник у них день воровства и разбоя
день обмана и лжи которыми лишь дурака обмануть
завтра праздник у них день насилия и запоя
invinoveritas – в водке-папенке суть

как будут они скакать по площади как истошно
будут славить захват как будет греметь салют
и как тебе от веселья не станет тошно
россия страна иванов страна малют

у них что иван то грозный у них что петр то великий
что рука то железная а нога костяная материал такой
и что нам просторы твои что вождь со своею кликой
с паленой водкой ногой костяной и железной рукой

воевал бы гад отнимал бы вор дубинку у вора
гоп стоп мы подошли из-за угла любимый мотив
что за праздник у вас господи день стыда и позора
молча русская речь стоит глаза опустив

потому что ей отдуваться за эти крики
за эти песни из черных отверстых ртов
за эти лица которые так безлики
за штампы и фото государственных паспортов

за всех дураков емель за жар самоходных печек
за щук всесильных за горбатых коней
родная русская речь ты за все ответчик
остается стоять вместе с ней и молчать на ней

18 марта 2015

«Как мы ждали тебя, дорогая война, в нашей дружной семье...»

Как мы ждали тебя, дорогая война, в нашей дружной семье,
ты все медлила, но о тебе мы мечтали не раз.
Добрый Пушкин с веселым Тарасом сидели в саду на скамье,
добрый Пушкин смеялся, в ответ улыбался Тарас,

говорил, что Днипро понесе в море вражью кровь,
а тогда и проснуться с молитвой в могиле не грех,
что Господь есть воитель, воителю не прекословь,
а не то Он придет и разделает всех под орех.

Добрый Пушкин в ответ: «Вот, собирается вещий Олег,
кроме пива еще хорошо, если девку – в постель,
жаль, что Черная Речка, и скоро там выпадет снег,
а по снегу, понятно, придется идти на дуэль».

«Ну, Арал – это тоже не сахар, – Тарас возражает шутя, —
знаешь, Болдино осенью – словно медовый пирог».
Добрый Пушкин смеется и плачет, как будто дитя,
говорит, что в усадьбу не пустит хохла на порог.

«Значит завтра война, – ухмыльнулся Тарас, – значит завтра – в
поход,
час придет – одолеет хохол москаля-гордеца.
Дети разных народов и животные разных пород
уничтожат друг дружку, и смеху не будет конца.

Будут белые кости лежать на зеленой траве.
Будут зори гореть, как горел под Полтавою швед.
А ревучий Днипро – что поделаешь – громко реве».
И Тарас убегает, а Пушкин свистит ему вслед.

Вот и кончена дружба. Должно быть, решил как-то раз
злой рок развести две культуры по разным углам.
Не сидят на садовой скамье Александр и Тарас,
а все делят и делят по-братски вражду пополам.

19 марта 2015

Ефиму Ярошевскому

Мы представляли себя жирными стариками, сидящими на
бульваре,
глазеющими на девиц, – писал о себе и Багрицком Бабель.
Мечты не сбылись. Бог не дал состариться этой паре,
не дал ожиреть, не дал витаминов и валериановых капель.

Не дал глазеть на девиц из-под век отечных,
не дал одесского солнышка в марте-апреле...
Астма, расстрел, диагнозов более точных
в те года врачи ставить еще не умели.

Нам с тобой повезло, дорогой, – мы получили прибавку
в виде той самой старости, которой им не досталось.
Правители наши крови не пили, а мирно щипали травку,
и хорошо понимали, что такое жирная старость.

Они говорили часами о задачах дурной пятилетки,
им случалось лесных зверей убивать, охотясь.
И за спинами жен медсестры им давали чудо-таблетки
и делали им приятно, несмотря на моральный кодекс.

В общем, Фима, мы их пережили, как и Страну Советов,
с ее гремучим огнем и блеском холодной стали.
Даже в юности мы не давали девицам поспешных обетов
смешных, может быть, судьбе, но девушки нам давали.

Мы любили их в полумраке приморских склонов,
пограничный прожектор ощупывал наши спины.
Мы читали запретные книги, не нарушая иных законов
ни СССР, ни позднее – и – тем более – Украины.

Мы пили коктейли в каком-то несчастном баре —
«Красный» или «Бристоль» – сегодня не помним сами.
Приезжай в Одессу, посидим вдвоем на бульваре,
поглядим на девиц, потряхивающих роскошными волосами

20 марта 2015

«Кого-то тащат в машину душат выбрасывают в кусты...»

кого-то тащат в машину душат выбрасывают в кусты
за прохожими тянутся чешуйчатые хвосты
выпирают надбровные дуги глубоко западают глаза
спросишь такого убей проголосует за

нет что-то меняется в людях к примеру оскал
зайдешь в бюро находок не найдешь того что искал
но ржавый штык времен еще той мировой
и шар голубой что крутился над головой

нет что-то меняется в жизни например дорожает товар
зайдешь в супермаркет а ты для товара стар
а эта слишком бедна а эта слишком бледна
а эта для потребления осталась слишком одна

нет что-то меняется в детстве пойдешь поиграть с песком
в пожарном ящике лучше ползти ползком
но по привычке ребенок поднимается в полный рост
и идет волоча за собою тяжелый чешуйчатый хвост

24 марта 2015

«Кто из нас не споткнулся на пороге торжественных дат...»

кто из нас не споткнулся на пороге торжественных дат
подходя к юбилею кто не замедлил шаг
вот почивший в бронзе неизвестный солдат
вот сгоревший на вечном огне классовый враг

вот столетние старцы в медалях и орденах
в руках букетики красных комсомольских гвоздик
вот плиты и птичья известка на прославленных именах
вот смутного гиблого времени нервный тик

все дергается дрожит и нет опоры ни в чем
ночные взрывы еженедельно как по часам
вот крепкие парни идут склониться пред палачом
палач с портрета глядит и кровь течет по усам

вот поле боя его пройти жизнь положить
оно засеяно минами осколками и иным
наследием настоящего в котором дышать и жить
почти невозможно но мы вдыхаем прогорклый дым

путь к забвенью тернист и недолог и мы идем
спотыкаясь о даты о пороги и рубежи
и вот уже виден наш вечный бетонный дом
высотный огромный не сосчитать этажи

26 марта 2015

«От судьбы не уйдешь, но убежать иногда удастся...»

От судьбы не уйдешь, но убежать иногда удастся,
особенно если в спортивном костюме и старых китайских кедах,
молодым дорога скатертью, как в старой песне поется.
Это хорошая песня для нас, отпетых.

Школа жизни, привет! – по полу елозят швабры,
толстушка дежурная вытирает доску тряпкою влажной.
Вдоль по бульвару скачут наперегонки кентавры.
Химера сидит на крыше хрущевки пятиэтажной.

27 марта 2015

«Атака, как лопата, бывает штыковой...»

Атака, как лопата, бывает штыковой,
совковой, как лопата, бывает жизнь солдата.
Конвой вокруг колонны – канвой сторожевой.
Клеймо на лбу эпохи – торжественная дата.

Еще бывает кружка – зеленая эмаль,
а в ней холодный чай – не крепкий и не сладкий.
Еще бывает цель – она уходит в даль,
еще бывает бездна, прикрытая заплаткой.

Еще рубеж бывает – последний, огневой,
еще бывает смерть пустой и бестолковой,
а там черед лопате, как атака, штыковой,
или другой, пошире, как наша жизнь, – совковой.

30 марта 2015

Апрель 2015-го Желтая жизнь

«Я устрою желтую жизнь и вырваны-годы...»

Я устрою желтую жизнь и вырваны-годы.
Поговорка сегодня вышла из моды,
и не жалко ни желтой жизни, ни вырванных лет,
желтая жизнь – период дружбы с Китаем,
а что вырваны годы – так мы дыру на лету залатаем.
Крутись, шарманка, каждому свой несчастный билет.

Мы – сидельцы последнего ряда в портовом клубе,
по радио песни поют о том, как дела на Кубе,
комбайн позапрошлогодний украшает бледный экран,
Борьба за мир, как футбол, – при любой погоде,
пионеры всегда у костра, а туристы всегда в походе,
и безнадежно лопочет беспородный тиран.

Эти годы вырваны. Эта жизнь пожелтела.
Эта душа согнулась под грузом тела,
Этот город разрушен. Но за спиной старика
мелькает и прыгает юность, там ходят мамы
с детьми в колясках – рахитики и панамы,
Там вырваны годы, и жизнь желтеет пока.

1 апреля 2015

«Русская светопись А. Вайнштейна. Городь Одесса...»

Русская светопись А. Вайнштейна. Городь Одесса.

Светопись – фотография, если кому непонятно.

Дамы на фото не стесняются лишнего веса.

По краю картонок – блеклые ржавые пятна.

На заднем плане – бокал и бутылка портвейна.

Резной буфет: львы – подпорки, на дверцах – гроздь.

Русская светопись в надежных руках Вайнштейна.

Сейчас вылетит птичка в канотье, с элегантною тростью.

Вылетит, на трехпалых лапках станцует «Семь-сорок»

И нырнет обратно в ящик, в дыру объектива.

Русская светопись. еврейский, одесский морок.

Сидите недвижно, дамочка. Я сделаю вам красиво.

2 апреля 2015

«Вчера не замечали. Сегодня – поют хвалу...»

Вчера не замечали. Сегодня – поют хвалу,
Едет пророк на осле. Бросают одежды под копыта ослу.
Потом разойдутся – жить, прислуживать злу.

Все равно – многопалые ветви пальмы или вербы в руках,
все равно сегодня или в прошлых веках,
все равно – истребители или ангелы в облаках.

Все равно – Иерусалим, Равенна или Берлин,
а то и Киев, нам все едино, клин вышибает клин,
там, где пророк не в чести – власть берет исполнин.

Все равно – сухонький, верткий или разъевший гад,
все равно – опьянен ли властью или не рад,
но всегда – в мундире, не сосчитать наград.

Он глядит и видит, как, рассекая толпу пополам,
едет пророк на ослике, и зачем весь этот бедлам,
разошлись бы все поскорей по своим делам!

Есть дело и у пророка – за всех людей пострадать,
умереть, воскреснуть, порадовать Пречистую старую мать,
вернуться, застать всех врасплох, явиться в ночи, как тать.

Все равно – какие сейчас времена.
Главное – город. Его окружает стена.
Правитель стоит у окна. На груди блестят ордена.

4 апреля 2015

Иисус говорит

Как на разбойника, вышли вы на Меня,
а Я был среди вас и не прятался ни на миг.
Даже темной ночью был ясен Я, как при свете дня,
и по извилистым тропам всегда ходил напрямик.

И при свете факелов в Гефсиманском саду,
слыша звон оружия и крики злобы людской,
не противясь, кротко, Я вам навстречу иду,
наполненный вечной жизнью и предсмертной тоской.

9 апреля 2015

«И почил Господь в день субботний. И предписал покой...»

И почил Господь в день субботний. И предписал покой
людям Своим в этот день, чтобы мы без Него
не сотворили непоправимого грешной рукой,
уж лучше, чтоб мы не делали ничего.

Чтобы не отходили далеко от своих дверей,
не кололи-ломали дров, не разводили огня,
не стреляли друг в друга, не заботились, чтоб поскорей
вырыть яму ближнему и сгубить его до заката дня.

Так говорит Господь: «Сиди спокойно, еврей,
Бог знает, что ты сделаешь без Меня!»

Он, наивный, Всеведущий думал, что мы не рискуем
в этот священный день нарушить Его запрет,
не будем ставить капканов, не станем играть с огнем,
что не остынет суп, который вчера согрет,

что будут лежать две халы, и гореть две свечи,
что Книга Книг сумеет на день заменить надзор,
что не будут болеть больные, что не будут лечить врачи,
что не будет стрелять убийца, никого не ограбит вор.

Что с Его Заветом нам будет спокойней, чем с Ним Самим,
что из любви к Нему мы Его не нарушим сон,
будем пускать по кругу чашу вина и бсамим,
будем петь псалмы и не нарушим Закон.

И ныне, пройдя по земле немыслимый крестный путь,
в пещере, спеленутый по рукам и ногам,
Он думает – мы дадим Ему спокойно уснуть,
не будем друзей предавать, не отомстим врагам,

не пожелаем жены ближнего, осла и вола,
не произнесем напрасно святое имя Его,
и будет земля спокойна, такой, как она была
тогда, когда на земле не было никого.

12 апреля 2015

Царствие Небесное

Не будете, как младенцы – не войдете – грехи тяжелы.
Будете, как младенцы – не войдете, ножки слабы.
Будете, как земледельцы – не войдете, одежды, увы, не белы.

Будете, как мудрецы – не войдете, чересчур высоки лбы.
Будете, как слепцы – не войдете, не найдете дорогу туда,
будете, как глупцы – не войдете, не нужно верить словам,
будете как льстецы – не войдете, ибо не знали стыда.
Погодите немного – Царствие спустится к вам.

14 апреля 2015

«Фома доверял осязанию более, чем глазам...»

Фома доверял осязанию более, чем глазам,
Иоанн верил Слову более, чем словам.
Христос не сказал, что есть истина – истиной был Он сам,
Радовался Игнатий, когда шел на съедение львам.

И сменялись кесари – один другого лютей.
И смеялись вольноотпущенники над казнимым рабом.
Освещали дорогу факелы из облитых смолой людей.
Говорят, дорога вела в высокий Господень дом.

16 апреля 2015

«Финляндский вокзал. Ленин на бронемашине...»

Финляндский вокзал. Ленин на бронемашине.
Бронзовый идол, в котором души не
сыщешь и днем с фонариком или огнем.
Что-то было в нем, но что – сказать не рискнем.
Не будем петь, как уголь подбрасывал в топку
такой молодой – сорок семь, его черепную коробку,
фаршированную губерниями, высокую лобную кость.
Не напишем трагедию «Бронзовый гость».

Как хватает Россию за руку, как проваливаются в геенну,
для вразумления грешников сотворенну,
шепча ей на ухо: «Мы – в окруженьи врагов».
Спроси у Данта – целых девять кругов.
А врагов и впрямь развелось – несчетно.
Стреляешь им в грудь, а они смеются: «щекотно!»,
поставишь к стенке – разваливается стена.
Дашь им волю – прахом пойдет страна.

Я бы съездил в Хельсинки, город, по слухам, – что надо,
хоть и похуже российского Ленинопетрограда,
но дома – массивные, северные, серый добротный цвет,
холод, камень, водка – вот вам и весь секрет.
Я бы катил большой чемодан на колесах,
рассекая толпу солдат, беспризорников голых-босых,
комиссаров в кожанках, интеллигентов в пенсне,
кого не увидишь в тяжелом, старческом сне!

Я бы съездил куда-нибудь, где история – на страницу
крупного детского текста, больше все про синицу,
что жила тихо за морем, про ручного сурка
с хлебной черствой корочкой, где река
молочно-кисельная время в себе растворяет,
где Бог сохраняет все, ничего не теряет,
все кладет за пазуху, до сих пор не пойму,
зачем это «всё» Ему.

18 апреля 2015

**«Здравствуй, здравствуй, дракоша,
худший из всех рептилий...»**

Здравствуй, здравствуй, дракоша, худший из всех рептилий,
когтистый, чешуйчатый, перепончатокрылый,
одна голова хорошо, чем больше голов – тем надежней,
не спеши, богатырь, не ярись – надо быть осторожней.

Не седлай коня, меч не тащи из ножен,
куда ни пойдешь – гибель найдешь, иной исход невозможен,
ложись рядом с нами, лицом к земле и спокойно спи – нам
снится, как лапы дракона ступают по нашим спинам.

20 апреля 2015

«Там была церквушка и бабушка в черном платке....»

Там была церквушка и бабушка в черном платке.
Там была заросшая речка и утки, а на рассвете
играла рыба, и ангел с цветком в руке
к девочке прилетал, но она держала это в секрете.

Там была лужайка и пасека, и дедушка – инвалид войны,
там были куры, которым рубили головы
и пускали бегать по огороду,
там ходили странные кролики – все были обречены,
и всех хотелось спасти и отпустить на свободу.

21 апреля 2015

«Что ж ты сидишь, как в гостях...»

Что ж ты сидишь, как в гостях,
а ноги не вытер?
Всякий город стоит на костях,
а не только Питер.

Нужно строить дома на камне,
а не на болоте.
Все так, но пока мне
нет радости в этой работе.

Жизнь моя – на весах,
и нет счета потерям.
Лучше мне быть в лесах
большим неуклюжим зверем.

Я бы валежник ломал,
пробираясь к себе в берлогу,
морду вверх поднимал
и рычал бы Господу Богу.

22 апреля 2015

«Замеченные опечатки, опечатанные заметки...»

Замеченные опечатки, опечатанные заметки.
С пением птица Сирин слетает с ветки,
ветка колеблется, падает плод со стуком
кому-то на голову, голова отвечает звуком
треснувшего ореха или хрустнувшего хитина.
Щиплет траву забвения дуреющая скотина.

В мире нет порока страшнее курения никотина.

Но если взглянуть на мир с высоты полета
валькирий, все будет плоско, как на доске почета:
ни выси, ни глубины, и время идет пунктиром,
и после прогулки пары расходятся по квартирам.

Сначала свет загорится, после задернут шторы,
потом свет погасят, уснут, и в квартиру проникнут воры,
вынесут мозг, вытрясут душу из плоти.
Но все измельчало, и что вы с таких возьмете?

Птица Сирин летает с клетотом – сигнал воздушной тревоги.
По телику еженедельная передача «Итоги».
Блондинка-ведущая в немыслимом красном прикиде.
Опечатки замечены. Но никто не в обиде.

23 апреля 2015

«Приговор утвержден. Вот и могила роется...»

Приговор утвержден. Вот и могила роется.
Православная контра, читатель священных книг,
стоя спиной к палачу, говорит о Святой Троице,
обращаясь к яме, в которую он упадет через миг.

«Вот горенье лампы – оно по сути троично.
Сама лампада, масло и фитилек,
зажигая лампаду, мы делаем это привычно,
не рассуждая о том, что Господь от нас недалек.

Смысл от нас ускользает, как между пальцев обмылок.
Люди тоже троичны – тело, душа и дух...»

В этот миг палач стреляет старцу в затылок.

Ни фитиля, ни лампы, ни масла – а огонь не потух.

24 апреля 2014

**«До последней черты лица, вы
слышите, до последней черты...»**

До последней черты лица, вы слышите, до последней черты,
которую не преступить. Дети – голодные рты.
Дом на отшибе. Тоже последний в ряду.
Лес – в двух шагах. Проклятье у нас в роду.

Сто лет вставали на ноги, да так и не поднялись.
Были, рыдали, но глаза остались сухи.
Днем смотрели себе под ноги, а ночью смотрели ввысь,
а там несчетные звезды светлы и тихи.

28 апреля 2015

«Никого не спросишь, как пройти и что там, за углом...»

Никого не спросишь, как пройти и что там, за углом,
какая опасность подстерегает, прижавшись брюхом к земле,
какая страсть прижмется к тебе молочным теплом,
какой графинчик стоит на ресторанном столе,

какой портрет висит на белой чиновной стене,
какой негодяй за столом и какой у него чин,
какой подъяремный танк ползет, как в хитине – в броне,
какую скидку тебе продавец сделает на почин.

Никого не спросишь, к чему обратить лицо,
от чего с омерзением отвращаться, как от крайнего зла.
Но вот – Приснодева выходит навстречу тебе на крыльцо
и говорит: «Не бойся, малыш, я тебя спасла».

30 апреля 2015

Май 2015-го Над каждой железной кроватью

«Рулон фотопленки завернут в фольгу...»

рулон фотопленки завернут в фольгу
в отверстие вставлена спичка
ракета пожарная в спину врагу
дымучка лети невеличка

шипипи на поверхности лужи карбид
вовек не забуду тот запах
ходи на одной старичок инвалид
как пес инвалид на трех лапах

крутись аппарат киноленту тyani
мелькай трудодень на экране
пей пиво алкаш в бесприютной тени
звените монетки в кармане

под куполом неба ходи акробат
по линии партии шаткой
баюкайте ходики малых ребят
над каждой железной кроватью

1 мая 2015

Два восьмистишия

«Утренний дождь сильнее чем тусклый утренний свет...»

утренний дождь сильнее чем тусклый утренний свет
бумажный кораблик плывет раньше он был портрет
правителя, но его сложили особым образом вот
он теперь бумажный кораблик, не знает куда плывет

какое странное лето ни солнышка ни тепла
дождь зарядил с утра жизнь была да сплыла
плывут по течению мысли и фильтры от сигарет
плывет бумажный кораблик раньше он был портрет

«В нашем микрорайоне много святых...»

В нашем микрорайоне много святых,
в большинстве – юродивых или страдальцев,
есть и сидельцы. Много болезных, спитых,
благословляя, они оставляют на нас отпечатки пальцев.

Жаль, что милость Господня достается все больше чужим.
Что небо в крупную клеточку не слишком гостеприимно.
Что потихоньку всех переводят на строгий режим,
что соседи нас ненавидят и, наверное, это – взаимно.

3 мая 2015

«Мать-мачеха и родина-чужбина...»

Мать-мачеха и родина-чужбина,
зачем ты гонишь сына-гражданина,
зачем кричишь – сокройся с глаз моих,
зачем ямбический в уста влагаешь стих,
зачем стучишь клюкою по брусчатке,
зачем в безумном корчишься припадке?
Мне все равно. Я суть твою постиг.

Я понял эти дали, эти долы,
я понял курс детсада, средней школы,
я видел небо, словно водоем,
я видел штампы в паспорте твоём,
я помню стройный стан и гневны очи,
сиянье севера средь непроглядной ночи,
и вот в душе моей светло, как днем.

Я понял суть военной службы Божьей,
что ни скажи, шепни такую ложь ей,
чтоб верила, надеясь, чтоб укор
тревожил совесть нашу, чтобы хор
звучал «аминь», чтоб малый крест нательный,
чтобы простор небесный беспредельный,
чтоб лес ронял багряный свой убор.

6 мая 2015

«В кошмарном сне сегодня приснилось мне...»

В кошмарном сне сегодня приснилось мне,
что ОН принимает парад верхом на белом коне,
вернее, на бледном коне, с кривою косою в руке,
с ним рядом – Ельцин на танке и Ленин на броневике.

И вся военная техника всех народов и всех времен
собралась под сенью его предвоенных знамен —
катапульты, стенобитные бревна с бронзовой головой
барана – предшественницей ядерной, боевой,

я видел воочию тысячу римских квадриг,
о которых я раньше знал из исторических книг,
и с ними тачанки катили в одном строю,
готовые выкосить недруга в степном гражданском бою.

И ангел в буденновском шлеме трубил в золотую трубу,
и ракетный комплекс, хуже Эдипова, готовый вступить в борьбу,
и мотоцикл с коляской, а в ней автоматчик-фриц,
который любил всякий Krieg, особенно – Blitz,

я видел копья, я видел каменные топоры,
я видел наш бронепоезд, не вышедший из игры.
И бледный конь горячился, и всадник скалил клыки,
приветствуя воскрешенные легионы, колонны, полки.

9 мая 2015

«Как сонные карпы в ставке...»

как сонные карпы в ставке
стареют подруги в совке
с детсадовскими стишками
с кремлевскими горе-флажками

на стенке усатый портрет
стань деточка на табурет
в сандаликах в гольфиках стой
спой песенку деточка спой

и песню старушка спое
так нежно как рыба об лед
хвостом а потом головою
расставшись с водою живою

есть песни одна или две
как гвозди торчат в голове,
есть рифмы советской закалки,
подледной холодной рыбалки

как карпы плывут подо льдом
старушки в раю молодом
в бессмертном совке непролазном
плывут рассуждая о разном

о ценах болячках о сне
как весел крючок на блесне
как леску мотать на катушку
чтоб вытащить к небу старушку

10 мая 2015

Ессе Номо

Ни спасения, ни прозрения,
слепцу и во тьме – светло.
Мы – терновый венец творения,
мы изранили Божье чело.

В багрянице, избитый, страдающий,
Он вечно стоит пред толпой,
проклятия изрыгающей,
усредненной, гневной, тупой.

Нет у нас покаянных рубашек,
и смиренных – тоже нет.
Кровь – на нас и на детях наших.
Свет – на нас и на детях – свет.

13 мая 2015

«Что я должен слышать спросите у них они...»

что я должен слышать спросите у них они
знают это лучше меня и моей родни
что я должен видеть знают они одни
а я всегда был слепым особенно в эти дни

они хотят быть моими глазами ушами и языком
они хотят знать мысли всех с кем я знаком
о чем говорим на кухне особенно под хмельком
если ударит колокол – знают они по ком

он звонит по мне динь-дон-джон-донн
за стеною кто-то лабает песню шестнадцать тонн
это бомба такая это тяжкий предсмертный стон
это очередь за сметаной мама сказала в бидон

серый холодный рассвет дождь проливной
алкаш в плаще болонья ждет открытья пивной
продавщица уже на месте выкладывает тарань
а что еще делать в такую погоду в такую рань

я тоже выйду на угол купить сигареты кент
киоск на углу как на площади монумент
в честь прожитой жизни нет алых роз и траурных лент
они знают лучше что я увижу в последний момент

15 мая 2015

«В перспективе каждое дерево полено бревно или плаха...»

в перспективе каждое дерево полено бревно или плаха
а пока меж ветвей щелкает малая птаха
в перспективе все мы пригоршня праха
даже ты козаче вышитая рубаха

даже ты ледаче сабля люлька бандура
конь привязан неподалеку у коняки губа не дура
щиплет травку глядит черноглазо в козацкую спину
а козак поет-спивает на всю Украину

а вся Украина слушает-слушает расцветая
полная пляшка в перспективе пляшка пустая
оттого-то и плачет-плачет плакучая ива
что ей не нравится общая перспектива

что остынет земля покроется ледяною корою
ничего не растет ни на горе ни под горою
ни коня ни кола ни двора и что остается герою
оттого-то даже герою грустно порою

18 мая 2015

«Соловьи соловьи не тревожьте солдат...»

соловьи соловьи не тревожьте солдат
тогда и солдаты не потревожат вас
было бы в календаре меньше памятных дат
не летала бы в небе птичка-боеприпас

деревянные обелиски крашены в красный цвет
жестяные звезды той же краской и в тот же год
соловьи соловьи соловьи управы на певчих нет
вечно плачет славянка провожая в последний поход

но поход не последний Бог даст иные бои
даст иного врага прежних врагов сильнее
а покуда солдаты спят и в роще поют соловьи
спит страна и птичка-боеприпас молча летит над ней

22 мая 2015

«Всех нас кого прогнали сквозь тесный советский строй...»

всех нас кого прогнали сквозь тесный советский строй
у кого рубцы от шпигрутенгов на спинах доселе видны
всех нас у кого и в школьной форме был военный покррой
всех нас кто в разные стороны плывет на осколках страны

всех нас кому не достался счастливый партийный билет
кому не пришлось отправиться в орбитальный полет
никогда не отпустит на волю память напрасных лет
конторская книга коленкоровый переплет

столбы деревянные гудящие провода
паровозы которые тянут порожние товарняки
мы все оттуда ребята зачем вы идете туда
нового времени бритоголовые призывники

23 мая 2015

«И щебет птиц под гром ближайшей дискотеки...»

и щебет птиц под гром ближайшей дискотеки
и свет с востока и цветенье роз
сон утренний мои смыкает веки
надолго и всерьез

и меркнет явь в толпе воспоминаний
и сердце не разжать как детский кулачок
в котором медный грош иль опыт ранний
иль золотой жучок

душа спешит во тьму а за окном светает
гром дискотек ночных весенний первый гром
и голос что внутри тихонько причитает
все кончится добром

все кончится добром пройдет и эта
печаль и ослабев опустится рука
и оборвется в час предутреннего света
последняя строка

25 мая 2015

«Силлаботоника – строкою тебе дорога...»

Силлаботоника – строкою тебе дорога
в девятнадцатый век, еще не подводивший итога,
но царь убит, казнены бомбисты, а крестьяне освобождены,
и дети вчерашних рабов свободными рождены,
к тому же теперь на троне бородастый царь-миротворец,
азиат покорился ему, усмирен непокорный горец,
ружье отложив, возвратился в разоренный аул.
Прегордый осман православные земли вернул
под власть Христа и помазанника – вспомнил – Божья – оба на
тронах, и замер мир у подножья.

Силлаботоника – дорога тебе строкой
туда, где церквушка смиренно стоит над рекой
где архитектура, зрячая от рожденья,
видит рябь и непрочность своего отраженья,
где бричка катит, пыля, между зрелых полей,
где купец в кабаке просит – еще налей!
Где «человек!» (гордо звучит) – обращение к лакею,
где «ваша светлость» – сияет так, как я никогда не сумею,
где двери к блаженству разделаны под орех,
глагольная рифма – восьмой, но бессмертный грех.

Силлаботоника, блять, ты кровь связала с любовью,
с прахом связала страх – не повела и бровью,
бесконечность – с вечностью – не разъять их теперь вовек,
а где «вовек» – там просится человек,
Божество с торжеством спаяны неразрывно,
слава с державой, ладони раскрыв, но,
ничего не явив, что в рифмовник не занесено,
силлаботоника, все, что по образу сотворено,
тобой зарифмовано, в ритм, как в упряжку
втиснуто, но никому не жалко тебя, бедняжку.

26 мая 2016

«Жизнь – смертельный недуг, передающийся половым путем...»

Жизнь – смертельный недуг, передающийся половым путем.
Жизнь – ловушка, из которой никому живым не уйти.
И все же мужчина и женщина, оставшись в спальне вдвоем,
займутся сексом, хоть заходи и свечкой над ними свети.

Будут мужчины стоять под окнами родильных домов,
с кричащим сверточком женщина будет садиться в автомобиль.
И эту цепочку рождений Господь прервать не готов,
но изредка напоминает, что люди – всего лишь пыль.

И пыль летит, и кружит, и блестит в золотом луче,
и венки из цветов и хвои прислонены к стене,
и ходит с кадилом священник в черной парче
и бормочет текст известный, но непонятный мне.

27 мая 2015

«В девятнадцатом веке снесли городские стены...»

в девятнадцатом веке снесли городские стены
но по праздникам в средневековые платья граждане наряжались
время было надежное мирное без наводнений и цены
на осенней ярмарке постоянно снижались
а если порой правитель устраивал сцены
из дантова ада простим ему эту шалость

облака безмолвно небо пересекали
сохранив всю влагу не проронив ни капли
леса выгорали болота пересыхали
вымирали лягушки а вслед за ними и цапли

но мы слава Богу не цапли и не лягушки
и что нам леса и болота мы жители городские
сидим за столами перед нами пивные кружки
и словно пена в сердцах вздымаются страсти людские

сидим рассуждаем об убийцах и казнокрадах
о том что жизнь рассыпается словно сукно от моли
а мимо проходят женщины в средневековых нарядах
и глядя на нас вздыхают и морщатся как от боли

29 мая 2015

«И куда нам деваться когда...»

и куда нам деваться когда
поползут под крылом города
потекут быстроходные реки
а по рекам гребные суда
из варяг и наверное в греки

греки сплошь бестолковы нежны
лишь для памяти людям нужны
о героях и взятии Трои
ради пышнокудрявой жены
и богинь что гуляют по трое

а варяги суровы рога
забодать угрожают врага
на бессовестных бронзовых шапках
там тайгу замечает пурга
и бессмысленно думать о тряпках

о помаде губной зеркалах
о таинственных женских делах
чудесах элевсинских мистерий
и приап опустившийся в пах
краше всяких высоких материй

ночью слушаешь пенье волков
а заснешь из сплошных облаков
поглядишь на крушение мифа
как история средних веков
на историю древнего мира

31 мая 2015

Июнь 2015-го

Что делать с ужасными снами

«День защиты детей...»

день защиты детей
от обстрела бомбежки цунами
от мам садисток и их недетских затей
кроме того что делать с ужасными снами
с бурым медведем и серым волком с Ягою
страшилками сказками со слабоумной прабабкой каргою
со страной убогой которая не ищет легких путей
превращает поле пшеницы в изрытое поле боя
и не видит выхода даже выхода из запоя
поставит к стенке потом представит к награде
и все это ради
защиты как сказано выше детей

1 июня 2015

«Я знал атеистов разьевшихся на богословских хлебах...»

я знал атеистов разьевшихся на богословских хлебах
цитатах из ранних отцов и схолиях средневековья
я в уме высчитывал пяди в их заскорузлых лбах
треснувших по причине психического здоровья

выходило не меньше пяти и не больше шести
до семи не дотягивали да им и хотелось не слишком
груз сведений жалко бросить и тяжело нести
на потеху вздорным студентам глумливым мальчишкам

потому что безбожие дело серьезное вера есть шутовство
юрродство лакейство поповщины первоисточник закладка
потому что в мире есть только бездушное вещество
существующее на грани истерического припадка

они проверяли наши конспекты протирая очки
подчеркивая карандашом по толстым томам сверяя
и это воспоминание разодранное в клочки
я собираю в целое сам того не желая

3 июня 2015

«Площадь имени не собираться более трех...»

площадь имени не собираться более трех
ибо там где двое и трое во имя там и Христос посреди
на маленькой площади невозможен переполох
она подметена вымыта чисто не наследи

узкие тихие улицы ухоженные дома
конечно церковь и перед ней фонтан
здесь тоже был пятнадцатый век чума
тут вора четвертовали за то что залез в карман

тут проносились всадники первых встречных разя
тут вдовы заказывали по убитым по сорок месс
об этом можно прочесть но представить это нельзя
усаживаясь за столик под полосатый навес

6 июня 2015

Ода Александру

1

герой учебников начало с букваря
зенит поэзии российской и заря
и что еще онегин наш приятель
письмо татьяны вольность и дуэль
привет поэт интимных мест искатель
прицельсь метко поражает цель

2

не отличишь ни ямба от хорея
ни мавра от еврея музу грея
в объятьях жарких пробуждая страсть
в античном изваянии недвижимом
то понося то восхваляя власть
высоким штилем и словцом облыжным

3

пора пора в мундире на балы
узорные натертые полы
поэта превращают в антипода
в бессмысленный подвижный сталактит
что ж такова пещерная порода
мы не осудим если Бог простит

4

кристальный афеизм и святотатство
затем свободу равенство и братство
и к слову блядство слезы нежных дев
и юных жен и сладкое безделье
обманутых мужей нелепый гнев
пылай камин в его убогой келье

5

и ты вино осенней стужи друг
и вы враги что брали на испуг
бессмертный гений явно не в награду
ниспосланный за каждодневный труд
за жизнь в которой складу нет и ладу
за смысл во глубине сибирских руд

6

ты медный пешеход веселый идол
в гаданиях и битвах жребий выпал
два века согласись немалый срок
и девочка стоит на табурете
читая лукоморье и пророк
в пустыне мрачной помнит о поэте

10 июня 2015

«Ни одуванчиком Божьим ни чертовой куклой...»

ни одуванчиком Божьим ни чертовой куклой
ни летней простудой ни детской железкой припухлой
не искупить провинностей осуждения не сломить
спину не распрямить
походку не выровнять да на кривых-то дорожках
по степи не проехать на старорежимных дрожках
в усадьбу к соседу смотреть на борзых
помолиться захочешь не повернется язык

потому что милость страшна как все что не по заслугам
сiju говорю беззвучно с умершим другом
сжимаюсь как будто я проживаю его года
беда говорю отвечает друг не беда

просто мы насмотрелись монстров и огородных пугал
кого-то загнали в гроб а кого-то в угол
как в детстве лицом к стене а кого-то и на горox
нет порока страшнее старости так говорил пророк

говорил шептал и затих и не слышно боле
голоса полного отчаяния или боли
выкриков люди опомнитесь при корне лежит топор
опаляет мир как смоковницу Божий взор

11 июня 2015

«Теперь театр – бассейн. Затоплен зрительный зал...»

Теперь театр – бассейн. Затоплен зрительный зал.
Всюду кафель и плитка, и живопись на потолке
шелушится и осыпается, но, простите, кто вам сказал,
что кто-то жалеет живопись в этом прОклятом городке?

Вот в бывшем храме свалился пласт штукатурки, и
из отверстия смотрит на покупателей мыслящий глаз.
Да, тут мебельный магазин. Но у реки соловьи
ночью поют самозабвенно, как будто в последний раз.

Вот пары спускаются вниз к реке. Девы – глаза опустив.
Каждый парень пьян и решителен. Каждая дева – нежна.
В сердце пылает страсть. А в кармане – презерватив,
потому что новая жизнь здесь никому не нужна.

Потому что старая жизнь тут крепчает не по часам.
Так из древнего Хаоса рождался уродливый мир.
Потому что правитель слишком долго затылок чесал,
протер шевелюру до плечи, а после череп – до дыр.

А в театре плещется дама, и в храме призрак попа
у чешской стенки читает покаянный канон.
А к открытию винно-водочного крепчает-мужает толпа,
и голос безумия слышен со всех сторон.

12 июня 2015

«Громкой славой тихой сапой...»

громкой славой тихой сапой
мягкой но когтистой лапой
оглушай гребни и хапай
расширяй подлунный рай
поиграй с рассветной тишью
поиграй как кошка с мышью
но со смертью не играй

эта злобная старушка
нам не мышь и не игрушка
но ракета танк и пушка
погремушки для нее
человек всего лишь тушка
и ему цена полушка
медный грош житье твое

и твоя грудная клетка
кошелек а там монетка
бьется часто или редко
упирается в ребро
неосмысленного предка
и геологоразведка
ищет под землей добро

раскопает круги ада
путешествия синдбада
человеческого стада
кости страсти и бичи
зуб огромного размера
стог соломы слог гомера
звезды ясные в ночи

13 июня 2015

«Снилось – лежу на дачной веранде, какой была...»

Снилось – лежу на дачной веранде, какой была,
слышу женские голоса – бабушка, мама,
Все ярко освещено, погода солнечна и тепла,
парусит занавеска, открыта оконная рама.

Мама и бабушка варят варенье, банки построены в ряд.
Я потягиваюсь, выхожу во двор, жмурясь от света,
пытаясь понять, о чем они между собой они говорят.
Дедушка дремлет в кресле, в руках у него газета.

Мелкие белые розы над скамейкой цветут.
Зеленая летняя кухня – маленькая каморка.
Папа, сестра, племянница – в «русском» районе Нью-Йорка,
Мама, бабушка, дедушка – мертвы, мы остались тут.

Смерть бывает наполнена жизнью. И стоит ли просыпаться
для того, чтобы убедиться, что мир навсегда опустел?
Но я просыпаюсь, на в силах с постели подняться.
Но я просыпаюсь, хоть, кажется, не хотел.

15 июня 2015

«Выцветшие чернила, старорежимный почерк...»

выцветшие чернила, старорежимный почерк
водяные знаки на пожелтевшей бумаге
старый писатель страдал заболеванием почек
сбежал от большевиков умер кажется в праже

или в безвестности что впрочем одно и то же
и то и другое изгнание за пределы
эмиграция это такое просторное смертное ложе
думаешь белизна а это в судьбе пробелы

по воскресеньям толпа пестра в будни быстра деловита
чехи немало русских немцев в черных шляпах евреи
на холме пражский град и собор как его вита
мощи считались лекарством от функциональной хореи

и откуда взялась лет семьсот назад эта трясучка
и куда подевалась позднее вот так загадка
хорея исчезла как в летнем небе малая тучка
новое время ни тряски тебе ни припадка

и куда подевалась усталая старая муза
и куда подевалась душа с ее постоянной болью
злата прага между ладоней германии и союза
и с нею забытый писатель маленькой серой молью

17 июня 2015

«В небесных чертогах сидит у окна...»

в небесных чертогах сидит у окна
в задумчивой позе святая одна
и свет невечерний сияет над ней
и нет в ее мире ни тьмы ни теней

лишь свет проливной словно ливень весной
как тихое пенье псалма на страстной
и чудно ей в мире лишенном скорбей
не скажет никто ни солги ни убей

лишь теплая Божия милость вокруг
и воздух прозрачен и ветер упруг
но смертная память о муках жива
о том как сминали людей жернова

о том как катилось судьбы колесо
о том как смеялись плевали в лицо
как жадно глазели от злобы дрожа
на дело веревки огня и ножа

и с памятью этой и свет ей не в свет
и даже в раю утешения нет

19 июня 2015

«Литва, страна печалующегося Христа...»

Литва, страна печалующегося Христа,
подпирающего деревянной ладонью деревянную щеку,
все, как положено – терновый венец, сомкнутые уста,
вторая рука на колене – что нужно еще человеку,

дошедшему до перекрестка, не знающему, куда свернуть,
как долго идти до намеченной ложной цели,
нет ни камня, ни стрелки, указующей верный путь,
лишь деревянный Христос – изваяли его, как умели.

Изваяли сидящим, печальным, в терновом венце,
сработанным грубо, как, впрочем, и все мирозданье,
размышляющим о неизбежном, с такою мукой в лице,
что стыдно жить, не зная, что такое страданье.

Размноженный в тысяче копий, он сидит взаперти
в каждой витрине, в любой сувенирной лавке.

Он так одинок, что стыдно в толпе себя не найти,
уцелеть в миру и не быть растоптанным в давке.

22 июня 2015

«То ли ночь темна то ли земля черна...»

то ли ночь темна то ли земля черна
то ли нет в земле ни корня ни крота ни зерна
то ли нет на земле ни города ни села
то ли тело Христово судорога свела

депрессия лучшее логово для зверя твоей души
пошел бы в кабак да на какие шиши
написал бы другу письмо да хрен прочтет
какова молодым дорога таков старикам почет

того что лезет в руки само не удержать в руках
в омуте памяти плавает радость да не поймать никак
затопил бы печь да выйдет тепло в трубу
вот и лежу отвернувшись к стене закусив губу

25 июня 2015

Блюз конца тридцатых годов

посмотришь ордер на обыск приглядишься так на арест
на допрос по морде на теплушку на двести мест
как палка высохнешь мама а в школе дразнили жиртрест

дразнили жиртресткомбинат ты не мог залезть на канат
военрук был садист мама а физрук психопат
директор был трезв и строен но лучше бы был пьян и горбат

жизнь была застенок и на каждой стене дуплет
портреты ленина-сталина и карты иных планет
вор лезет в карман хулигану а там кастет

а там кастет ударишь и кость хрустит пополам
по рельсам гремит трамвай пассажиры спешат по делам
урчат трактора как вши ползут по колхозным полям

снаружи внешний враг и внутренний враг внутри
эй вратарь готовься к бою все мы твари тут вратари
граница на карте не нравится резинкой ее сотри

говорят что сосед по коммуне работает палачом
во всем виноват судья а он палач ни при чем
это мать революция со своим кумачом расскажет нам что почем

это срок как школьный урок от звонка до звонка
это треск ночного мотора черного воронка
и хочется жить но выжить мама кишка тонка

тянутся зимние ночи а дни твои сочтены
дуэт дуплет ленинсталин глядит на тебя со стены
кому повезет доживет до начала великой войны

28 июня 2015

Июль 2015-го Спорная территория

«Вздорный характер спорная территория...»

вздорный характер спорная территория
был бы товарищ ленин найдется и броневики
так пробудившись с похмелья являет свой лик история
разматывает клубок раскручивает маховик

где вращение там повторение где движение там инерция
где волнения там полиция где хор неизбежен разброд
все эта херня не стоит и ломаного сестерция
как говорил Юлий Цезарь, собираясь в последний поход

1 июля 2015

«Очаровательные деревянные куклы святых...»

Очаровательные деревянные куклы святых,
нарядные, расписные, не хуже наших матрешек.
Сторонники Реформации в щепы рубили их,
а если бы кто купил – продали б за медный грошик.

Протестантизм – последнее прибежище торгашей,
так учил нас товарищ Вебер, а ему, конечно, виднее.
Капитализм с улыбкою до ушей, хоть веревки пришей,
не любит Церкви и всего, что связано с нею.

Взять хоть этих кукол, румяных, попирающих грех и гнев,
василиска и аспида, разумеется – льва и дракона,
этих смиренных воинов, этих бесполох дев
(вроде как статуя, а на деле – плоская, как икона),

этих грустных хранителей границ между злом и добром,
этих злобных демонов, корчащихся под каблуками.
Что вырезано резцом, легко изрубить топором,
легко истребить за час все то, что хранилось веками.

Херувим, который мог бы при случае стать мотыльком
и летать с цветка на цветок, питаясь чистым нектаром,
глядит на буржуазию, с набитым ее кошельком,
со спросом и предложением, никому не нужным и даром.

2 июля 2015

«Колодец во дворе и двухэтажный флигель...»

колодец во дворе и двухэтажный флигель
дым из печной трубы жар пышет от плиты
инфаркт или инсульт или иная гибель
твои расчеты здесь как дважды два просты

под слоем облаков небесное светило
движение свое скрывает от очей
как город постарел и как его скрутило
явился казнокрад считай что казначей

так кашкою дитя мамашу кормит с ложки
так продавец живет не зная что почем
ковры подметены на скатерти ни крошки
прижмись ко мне плечом прижмись ко мне плечом

заезжий пастернак с заезженным булатом
все что осталось нам от позапрошлых лет
весенний первый гром живет своим накатом
и всемогущий Бог летит среди планет

обломки чьих-то строк набор простых мелодий
из телика кричат одесская хатынь
поет псалмы кирилл ему вторит мефодий
старославянский гул бессмертен как латынь

я был мальчишкой тут носил костюм на вырост
слабеющий режим при встрече брал в зажим
кружилось все вокруг и вдруг остановилось
и странно всем чужим что мы еще кружим

3 июля 2015

«Мы шли на еврейское кладбище после рабочего дня...»

мы шли на еврейское кладбище после рабочего дня.
у входа в больницу отец поджидал меня
веник, ведро и тряпка, докторский дипломат,
папа выбрит, а я – бородат. папа стрижен, а я – патлат.

мы выбирали прохладный, погожий осенний денек,
добирались пешком, не спеша, благо, путь недалек.
по пути говорили о жизни, о больных, о домашних делах,
о политике, но не о смерти и не о иных мирах.

мы шли по центральной аллее. с черных гранитных плит
на нас глядели евреи, у которых душа не болит,
щебетали птицы, сияли солнечные лучи,
на могилах только цветы – ни камушка, ни свечи.

мы сворачивали на тропинку между чугунных оград,
папа о чем-то спрашивал. я отвечал невпопад.
вот мраморный обелиск – здесь похоронен дед.
возвращались. и целое кладбище молча глядело нам вслед.

8 июля 2015

«Роем траншеи а вдруг начнется война...»

роем траншеи а вдруг начнется война
строим убежища вдруг прилетят бомбить
производим оружие больше чем дохрена
проводим мобилизацию враг не любит шутить

а мы не прочь пошутить изображаем врага
лилипутам что великану грозит смешным кулаком,
мы песни поем что на нашу землю нога
вражья не ступит что мы его ракетой и штыком

мы смысленый смешливый народ мы врагу не чета
мы имеем право на отдых и водку с двух до семи
мы любим правительство мы оплачиваем счета
дай нам в руки ружье и хлебом нас не корми

хлебом нас не корми масло на хлеб не мажь
сверху ломоть колбасы с горчицею не клади
кашку свари уж если на ум пришла подобная блажь
а где что плохо лежит не стесняйся молча кради

и вот война началась нас бомбят еженощно, но
убежища нас не спасают и враг уже виден вдали
одно утешение мы знали это давно
предвидели все и готовились как могли

10 июля 2015

«В жизни все получается как всегда...»

В жизни все получается как всегда:
веселые села, угрюмые города,
на пасмурном небе грозových облаков гряда.
Приезжает высокий чин – город весь перекрыт.
Сотня старух сидит у сотни разбитых корыт.
У обелиска горит вечный огонь стыда.

Заведенный порядок. Низкий гудок заводской
наполняет душу промышленной смертной тоской.
Училка с указкой стоит перед черной школьной доской.
Принимаешь решение – задача или пример.
«Жизнь! Только выкрестами жива – иудами вер»
Из подворотни аккорды гитары мотив воровской.

А села веселые – так Шевченко писал:
садок вишневый, зачинена церква, ныне – спортзал.
Ходит мальчик голубоглазый – слабоумен и шестипал.
Дайте ему копеечку, динарий или обол.
На пустыре кто поумнее играют в футбол.
Когда-то мы наступали, а враг отступал.

Когда-то Елена Прекрасная обнимала меня.
Когда-то троянцы в пролом тащили коня.
Когда-то Ахилла оплакивала родня.
Ахилла похоронили – торчит из-под плиты
пята, и стрела торчит из пяты.
Казак в вышиванке целует девушку у плетня.

11 июля 2015

«Отдайте кесарю – кесарево, а Богу – Богово...»

Отдайте кесарю – кесарево, а Богу – Богово,
а в свое вцепитесь зубами и быстро тащите в логово,
где самка в звериной шкуре третью ночь стережет костер,
где дети с рычанием ползают на карачках,
где старцы не думают о похоронных записках,
где братцы в охотку под себя подминают сестер.

Этот мир не скверный, нет, он просто пещерный,
ему неведом ход времени равномерный,
и даже восход светила – большой сюрприз.
Вокруг ходят мамонты и шерстистые носороги,
эти звери в принципе – невинные недотроги,
не то саблезубые тигры – не поймешь, кто кого загрыз.

И кто б человечество сдвинул с гиблого места,
поставил бы под ружье, отучил-отлучил от инцеста,
рассказал бы про вечную жизнь, которая там, в земле
не копошенье червей и хрустящих личинок,
а та, за которую в келье молится инок,
и та, что нетленной звездой горит во мгле.

И кто б объяснил, что вера – игра без правил,
Господь вопрошает Себя: за что Ты Меня оставил,
и самозабвенный художник сам себя позабыл.
И самозабвенные воины – пика да алебарда,
и самозабвенен бросок безумного авангарда,
что рвется вперед, врагу открывая тыл.

13 июля 2015

«В этом краю за битого двух небитых дают, а то и трех...»

В этом краю за битого двух небитых дают, а то и трех,
а после бьют небитых, чтоб они поднялись в цене.
А на троне сидит там царь Стручковый Горох,
а в стручке царевны-горошинки сидят рядком в глубине.

И хорошо человеку жить при Горохе-царе,
правда, пучит живот и трещишь, а если не бит, то бьют,
потому что пучит всех верноподданных об этой поре,
потому что за битого двух или трех небитых дают.

И в каждой хате зыбка цепная подвешена к потолку,
и рыбка золотая в каждом колодце живет,
а в каждой зыбке – жирный младенец, прибыль в нашем полку,
и у младенца тоже с гороха пучит живот.

И высокоудойная мамка песню поет сынку
о царе-Горохе, от которого мальчика понесла,
и мальчик вырастет крепким и обрадуется пинку,
потому что после пинка цена его возросла.

И поведет его, возросшего, постаревшая мать
на невольничий рынок, под стеклянными крышами корпуса,
будет битого сына на двух небитых менять,
а из глаз ее бабья слеза – Божья роса.

16 июля 2015

«Еще твоя жизнь может показаться чем-то...»

еще твоя жизнь может показаться чем-то
напоминающим живопись кватроченто
без доски без золотого фона
без предвечного Бога и предсмертного стога

и еще твоя жизнь может показаться и скрыться
или быть грудой хлама в котором приятно рыться
вдруг что-то мелькнет блеснет на мгновенье
не менее чем ничто не более чем дуновенье

и еще твоя жизнь и вообще как тебе на свете
все что нужно держать в узде или держать в секрете
от греха подальше сохранней от сглаза
нескладнее чем в стихе слишком длинная фраза

и еще городской пейзаж кривой переулок
пуст и утренний воздух влажен и гулок
и еще страна канатный завод первая смена
пивной киоск на углу высокая пена

17 июля 2015

«Апокриф – незаконный полукровок...»

Апокриф – незаконный полукровок
от святости и вымысла: неловок,
никак не может втиснуться в канон,
пролезть в догмат, вписать кого-то в святцы,
взлететь, над колокольною подняться
и сверху слушать колокольный звон.

Но он живет, без славы и огласки,
ему довольно прав волшебной сказки
о глиняных оживших воробьях,
святых кентаврах, силачах псоглавых,
о чертиках, чумазах и лукавых,
плодящихся в неведомых краях,

родителях Марии престарелых,
об ангелочках пухлых, крыльях белых,
растущих сквозь рубахи, о слезе
окаменевшей, о целебных водах,
об озлобленных, проклятых народах,
идущих по несправедливой стезе.

Апокриф – незаконный брат Писанья,
он обречен на долгие скитанья
из церкви в церковь да из уст в уста,
минуя ухо, разум потрясая,
идет фигурка темная, босая,
чтоб с покаяньем пасть к ногам Христа.

18 июля 2015

«Священный гимнарий российских военных побед...»

священный гимнарий российских военных побед
торжественны оды обилён дворцовый обед
алмазами звезды сверкают на лентах атласных
мундиры к лицу молодежи но и стариков
они украшают глядят из седых париков
глаза завидующие на убиения праздник

так ламех кичился убийством и жен призывал
внимательно слушать как юношу он убивал
мол цила и ада послушайте мужа красотки
он крепкий убиец отмстится стократ за него
и жены развесили уши не зная того
что жизнь человека не стоит табачной щепотки

щепотки понюшки из той табакерки златой
подаренной маршалу вместе с надгробной плитой
из царственных рук ничего что красны и опухли
и кольца на пальцы не лезут и что там кольцо
когда из тебя выпирает рябое лицо
как лес раздвигая седые парадные букли

священный гимнарий российских военных побед
когда человек есть застывший парадный портрет
над пышным столом и фелица глядит благосклонно
как славные воины пищу глотают рыча
и что там одежда что там кружева и парча
когда под одеждой зудит похотливое лоно

и оды гремят с пожелтевших старинных страниц
и толпы ревут вот опять расширение границ
вот вражеской крови бадья вот плененные гады
вот нелюди в чуждых мундирах с чудным языком
вот в спальню фелицы любовник крадется тайком
вот высятся над петербургом соборов громады

19 июля 2015

«Карета катила и кони ступали...»

карета катила и кони ступали
и певчие пели вы падалью пали
за должность квартиру и кус даровой
за ближние дали и дивные были
за ордер на обыск но вы позабыли
без предупрежденья стреляет конвой

без предубежденья навскидку и метко
случаются промахи больно и редко
мы передовые на передовой
салют пятилетка салют пятилетка
как выполнишь план так в газете заметка
и записи в книжке как ты трудовой

стоял часовой в долгополой шинели
в буденновке шлеме и сосны шумели
должно быть предчувствуя лесоповал
сидел часовщик неподвижно в окошке
подвыпивший доктор катил в неотложке
не слышно чтоб кто-нибудь здесь горевал

не видно слезы на щеке у вдовицы
не слышно рыданья в гортани певицы
ни вкуса ни слова в замерших устах
и тени из темного прошлого скажем
карета и лошади с черным плюмажем
и строки доноса на желтых листах

21 июля 2015

«Они были проще нас. Но жизнь их была сложнее...»

Они были проще нас. Но жизнь их была сложнее.
Они были бесстрашны. Но жизнь их была страшнее.
Собственно говоря, жизнь состояла из пугал
вокруг ребенка, который поставлен в угол.

На горох, на колени, в угол – не встать с коленей,
не сбросив тяжесть потерянных поколений,
не оставив их с угрюмым посмертным задором
за высокой оградой, за прочным райским забором.

23 июля 2015

«Пришедше на запад солнца видевшие свет вечерний...»

пришедше на запад солнца видевшие свет вечерний
слышавше вой и крики необузданной черни
взывая к совести тех в ком совесть и не ночевала
натянув на голову край китайского покрывала

а мы ночевали-дневали и ходики над головою
тикали и занавеска на окне была кружевною
и коврик на стенке был вышит крестом болгарским
и каждый из нас заражен был духом бунтарским

мы знали что пламя возгорится из ленинской искры
нам пели броня крепка а танки естественно быстры
куба любовь моя остров зари багровой
куба отдай наш хлеб и начинай по новой

сахар из тростника ласковый дым сигары
интербригады-лорка повторяется плач гитары
опанас и коган немцы да хуторяне
и кто помянет нас наглотававшихся этой дряни

кто поставит свечу в часовне хоть какого патриархата
в опустевшем краю где когда-то стояла хата
где гуляли девки и сушились горшки на тыне
а в газетах писали об асуанской басурманской плотине

наши жизни ничем не лучше забытых событий
государственной лжи опутавшей тысячью нитей
инженеров совслужащих пастухов и доярок
и тебя диссидент-шизоид и тебя философ-припарок

27 июля 2015

«Сотри случайные черты и школьная доска черна...»

сотри случайные черты и школьная доска черна
и пашня зимняя черна в ней нет ни одного зерна
ни тучки в небе голубом ни рыбы в синей толще вод
сотри случайные черты вот пустота и над и под

сотри случайные черты и мир исчез как не бывал
сотри случайные черты и мир исчез в один провал
сотри случайные черты где Божий храм и Божий рай
сотри случайные черты нет лучше все же не стирай

28 июля 2015

«Он решался шептать о том, о чем вслух не...»

он решался шептать о том, о чем вслух не
говорили, сидя с кем-то на маленькой кухне,
вмещавшей все неудобства советского быта,
в раковине стопкой посуда стояла немыта.

он знал фамилии – лосский, флоренский, бердяев,
но в жизнь впускал сексотов и негодяев.
приходили сексоты в гости, приносили бутылку
в обмен на информацию, что складывали в копилку,

вернее, в картонную папку, с грифом «секретно»,
и жизнь продолжалась – не секретно, скорей – незаметно,
в бездействии тайном, без страсти и умысла злого...
прослушка в стене расширялась, фиксируя каждое слово.

29 июля 2015

Август 2015-го Когда хоронят эпоху

«Когда хоронят эпоху стихотворные строки...»

когда хоронят эпоху стихотворные строки
что комья земли летят в огромные ямы
где вы в пенсне и манишках поэты пророки
где дети все в кружевах где в шляпах огромных дамы

где золоченые рамки стандартных размеров
звонкие ямбы и чуть спотыкающийся перихий
где названия предметов описания интерьеров
где Царю Небесный утром и вечером Свете Тихий

где цоканье конских копыт по гранитной брусчатке
где нарядная публика на маленьком пароходе
все то что было в расцвете а до того в зачатке
все что было в ходу или просто в тогдашней моде

где колбы реторты и бутылки в лучшей аптеке
где милосердные сестры с красными их крестами
где культяпка что помогала передвигаться калек
где письменные столы с исписанными листами

где пишущие машинки и иные приспособленья
для облегченья труда и для взрослой забавы
где преступники возвращающиеся на места преступленья
где отважные сыщики что всегда совершенно правы

где в папахе и бурке в долину спустившийся горец
где шурящийся на солнце старый торговец татарин
где пат паташон в крайнем случае макс и мориц
где пиитический слог никчемен и высокопарен

кто вспомнит об этом всем когда хоронят эпоху

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.